

Георгий Анчабадзе

АБХАЗИЯ

И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА

1810-1864 гг.

АБХАЗИЯ И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА. 1810-1864 гг.

Георгий Анчабадзе

**АБХАЗИЯ И КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА
1810-1864 гг.**

Пособие к лекционному курсу

2018

Г. З. Анчабадзе. Абхазия и Кавказская война. 1810-1864.

Пособие к лекционному курсу.

Редактор:

кандидат исторических наук, доцент А.Н. Габелия

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор О.В. Маан

кандидат исторических наук, доцент С.Ш. Салакая

Книга доктора исторических наук, профессора Г.З. Анчабадзе является пособием к специальному лекционному курсу «Абхазия и Кавказская война», который автор преподает магистрантам исторического факультета Абхазского государственного университета с 2012 года. Цель лекционного курса – углубленное изучение политической истории Абхазии с 1810 по 1864 год. Это период существования автономного Абхазского княжества в составе Российской империи, который совпадает со временем Кавказской (русско-горской) войны, одного из значимых общественно-политических явлений XIX столетия. В книге показаны фактор Кавказской войны в истории Абхазии и основные моменты участия абхазов в русско-горском противостоянии. Книга адресована как студентам и специалистам-историкам, так и самой широкой читательской аудитории.

На переплете воспроизведен рисунок Г.Г. Гагарина «Встреча черкесских князей» (ок. 1841 г.)

© Г. З. Анчабадзе, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Историческое введение	5
О Кавказской войне	5
Абхазия накануне присоединения к России	15
Установление российского протектората и Абхазское сопротивление (1810-1830 гг.)	25
Интересы русского правительства в Абхазии	25
Взятие Сухумской крепости и установление русского протектората	27
Политико-административная структура Абхазского княжества	30
Правление князя Георгия (Сафарбея)	31
Восстание 1821-1824 гг.	35
Западный Кавказ на перекрестке истории (1830-1853 гг.)	41
Начало большой войны на Северо-Западном Кавказе	42
«Абхазская экспедиция». Утверждение русского военного присутствия в Западной Абхазии	47
Война в Северо-Восточном Причерноморье	56

Усиление русского военного присутствия в Восточной Абхазии	59
Положение в Самурзаканской Абхазии	62
Михаил (Хамутбей) Чачба-Шервашидзе	64
Создание Черноморской береговой линии и события в Джигетии	66
События в Цебельде	71
Джигетское приставство	73
Убыхская экспедиция.	74
Экспедиция в Псху 1843 г.	79
Война на Северо-Восточном Кавказе	80
Мюридизм в Черкесии. Магомед-Амин.	81
Восточная (Крымская) война. Завершение Кавказской войны и упразднение Абхазского княжества (1853-1864 гг.)	83
Абхазия в годы Восточной войны	83
Завершение русско-горской войны.	89
Переселение кавказских горцев в Османскую империю	94
Конец Абхазского княжества	95
Использованные источники и литература	98

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

О Кавказской войне. Содержание настоящего спецкурса – история Абхазии XIX столетия, а точнее, периода с 1810 по 1864 годы. Это время Кавказской войны, одного из значимых общественно-политических явлений XIX века, и окончательного вхождения Кавказа в состав Российской империи.

Пролог этой истории восходит ко второй половине XVI столетия, когда после присоединения Астрахани (1556 г.) южные границы Московского царства достигли низовьев Терека. В то время население Кавказа страдало от междоусобных войн и периодических вторжений иранских и турецких войск. Османская Турция и Сефевидский Иран, враждуя друг с другом, оспаривали кавказские территории. В орбиту Ирана входили земли современной Армении, Азербайджана и полунезависимой Восточной Грузии. Сфера влияния Османской империи охватывала преимущественно территорию Западного Кавказа. На этом фоне Русское государство, – третий центр внешней силы, – сердцевину которого отделяла от Кавказа обширная полоса слабо освоенных земель, не обладало достаточными ресурсами и возможностями. Это показали неудачные попытки военного проникновения в Дагестан в конце XVI и начале XVII веков. Однако, сохранив

опорную точку в дельте Терека, русские укрепили свое присутствие, устанавливая торговые и дипломатические связи с местными владениями, заключали союзы, изучали край и его население.

Активность российской политики на юге резко возрастает в XVIII веке, особенно с 60–70-х годов, когда началось планомерное продвижение русских войск и администрации на Кавказ. По результатам русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов главный соперник России в Кавказско-Черноморском регионе, Османская империя, потеряла большую часть своих позиций. Россия твердой ногой встала на северных берегах Черного моря, считавшегося дотоле внутренним озером Османской империи, а на востоке распространила свой контроль на степные пространства Азово-Каспийского междуморья. Занятие равнин, которые издавна использовались кавказскими горцами под пашни и пастбища, внесло напряженность в русско-горские отношения, что усиливалось строительством пограничных укреплений (укрепленных линий) на новоприобретённых территориях, а также военно-казачьей и помещичье-крестьянской колонизацией. Как писал советский историк-востоковед Н.А.Смирнов, «Игнорирование царской администрацией интересов горцев, захваты их земель для русских поселенцев, насаждение на Кавказе русских помещиков из числа генералов и высших царских чиновников – все это вызывало недовольство горского населения». Уже в 80-х годах XVIII века почва для вспышки стихийного движения на Северном Кавказе была достаточно подготовлена. Начались стычки между русскими войсками и отрядами горцев, постепенно переросшие в систематические боевые действия. Так начиналась Кавказская (русско-горская) война, продолжавшаяся ряд десятилетий и стоившая обеим сторонам больших жертв.

Теперь о термине «Кавказская война» и хронологических рамках этого явления.

В научно-публицистический оборот понятие *Кавказская война* ввел Ростислав Фадеев¹ в 1860 году своей книгой «Шестьдесят лет Кавказской войны», написанной по заказу наместника Кавказа, генерал-фельдмаршала Барятинского. До этого же, как правило, военные действия на Кавказе обозначались выражениями: «покорение», «завоевание», «усмирение», «умиротворение», «установление русского владычества».

Однако к моменту выхода в свет книги Фадеева покорение Кавказа еще не было закончено, начинался его последний этап, последний натиск на адыго-абхазский «угол» в Северо-Западном Кавказе, завершивший длительный и сложный процесс присоединения края к Российской империи. Поэтому в указанной книге описана только война против Кавказского имамата в Дагестане и Чечне, уничтожение которого, как и пленение знаменитого Шамиля, связывается с именем князя Барятинского.

Несколько позже в русской историографии появляется термин «Кавказские войны», охватывающий уже весь спектр военных действий России на Кавказе в XVIII–XIX веках. Это и сопротивление с Турцией и Персией, и подавление восстаний в Закавказье, и, конечно, война на Северном Кавказе, в Дагестане и Северо-Восточном Причерноморье (собственно Кавказская, или Русско-горская, война) – предмет нашего обсуждения.

---

1. Фадеев Р.А. (1824–1883) – русский военный историк и публицист, генерал-майор (1864). Участник Кавказской войны и автор трудов по ее истории. Панславист. Относясь отрицательно к военным реформам, проводившимся в России в 60-х годах XIX века, вышел в отставку. В 1876-1878 годах как доброволец участвовал в национально-освободительном движении балканских народов.

Одна из особенностей русско-горской войны заключается в отсутствии общепринятых хронологических границ этого исторического явления. Не будем останавливаться на максимальных рамках, предлагаемых авторами некоторых в основном публицистических произведений, – от XVI столетия почти до наших дней. Большинство ученых ограничиваются периодом XVIII–XIX веков. Но если конечной датой Кавказской войны почти все признают 1864 год (что, в принципе, верно, хотя в некоторых труднодоступных районах и после этого сохранялись очаги сопротивления), то относительно начальной даты существует широкий разброс мнений. Указываются 1722, 1763, 1783, 1785, 1799, 1801, 1816, 1817, 1818, 1829, 1830 и другие годы.

Каждая из этих датировок имеет свои более или менее оправдательные мотивы. Так, 1722 год – это начало Персидского похода Петра I, нарушившего более чем вековую паузу в военной активности русских на Кавказе. Видимо, еще в годы русско-горской войны петровская эпоха мыслилась начальным этапом этого противостояния. В рескрипте Александра II, обнародованном в июне 1864 года по поводу окончания Кавказской войны, говорится о завершении дела, начатого «полтора века тому назад». Однако, на мой взгляд, Персидский поход, несмотря на его размах, а также то, что в ходе экспедиции русские войска имели столкновения с чеченцами и дагестанцами, трудно напрямую увязать с позднейшей Кавказской войной. Во-первых, потому, что конечной целью похода являлся не Северный Кавказ, главный театр русско-горской войны, а каспийский торговый путь на Восток. Поэтому в ходе кампании русские заняли Дербент, Баку, Энзели, Решт и другие каспийские крепости, порты и торговые узлы. Во-вторых, после смерти Петра его ближайшие преемники отказались от масштабных замыслов

императора и вернули на Терек русские аванпосты. Только в 30-х годах XVIII века здесь начинается организация первой укрепленной линии, опиравшейся на крепость Кизляр. По словам признанного историка-кавказоведа, профессора Н.Н.Покровского, это было началом борьбы за захват чеченской плоскости. То есть укрепленные линии помимо оборонительных задач, имели функции опорных рубежей, обеспечивающих войскам поступательное движение вперед.² Следовательно, строительство Кизлярской линии, можно расценивать как прелюдию к Кавказской войне. Начало же большого противостояния надо относить к эпохе Екатерины II (1762–1796 гг.). Доводы историков, предлагающих эту точку зрения, мне кажутся наиболее обоснованными. Недаром в некоторых досоветских изданиях Кавказская война именуется «вековой войной».

Продолжение строительства укреплений вдоль левого берега реки Терек и особенно закладка крепости в урочище Моздок (1763 г.), где издавна паслись кабардинские стада, вызвало открытое недовольство в Кабарде. Кабардинская аристократия, с XVI века являвшаяся союзником России против Турции и Крыма, понимала, что крепость Моздок станет оплотом России в Предкавказье (неслучайно официальный историограф кавказских войн В.А.Потто отмечает, что закладкой Моздокской крепости был заложен «краеугольный

---

2. Уже в разгар Кавказской войны в 1842 г. генерал-майор М.Ф.Кудашев в своем плане покорения кавказских горцев, еще раз подчеркнул значение укрепленных линий в этом деле: «Воздвигнув в течение сорока лет против черкасов, чеченцев и лезгин укрепленные линии, которые опоясывают их горы, как параллели, обхватывают крепости, кажется, настало время пользоваться этими линиями как надежными базисами для начатия решительных наступательных действий вовнутрь гор немирных черкасов и чеченцев, и для преследования против лезгин успехи, приобретенные нами, дабы в несколько походов поставить конец сорокалетней борьбе с кавказскими народами, приведением в действительную и надежную покорность все их племена».

камень завоеванию Кавказа»). Кабардинские послы, прибывшие в Санкт-Петербург, потребовали срыть моздокские укрепления, но получили решительный отказ. Не было приостановлено и строительство новых укреплений, протяженная черта которых, получившая название *Кавказская линия*, к 1790 году достигла на западе устья Кубани у Черного моря, а на востоке вышла к берегу Каспийского моря.

Русско-кабардинский раздор из-за Моздока и других укрепленных пунктов в центре Кавказской линии привел к череде серьезных столкновений, в которых кабардинские отряды, по выражению генерала Ермолова: «...отчаянно противостояли русским в кровопролитных сражениях». Военные действия с перерывами продолжались до 1825 года и завершились разгромом Кабарды, совпавшим со страшной эпидемией чумы, продолжавшейся несколько лет. В итоге территория и численность населения Кабарды сократились в несколько раз. Самые неукротимые противники русских бежали за Кубань и в Чечню, чтобы оттуда продолжить борьбу. Особенно много их оказалось в Закубанье, среди этнически близкого адыгского населения. В источниках истории Кавказской войны эта группа в дальнейшем именуется беглыми, или закубанскими, кабардинцами.

Некоторые историки (прежде всего адыгские) видят в моздокском конфликте начало Кавказской войны, однако мне кажется, что точкой отсчета в данном случае предпочтительнее считать события середины 80-х годов XVIII века. В частности выступление под руководством чеченского проповедника Ушурмы (шейха Мансура), когда разрозненное сопротивление вышло за пределы отдельных областей (Дагестан, Чечня, Кабарда, Закубанье) и приняло, по существу, общесевернокавказские масштабы с конкретными

идейно-политическими лозунгами. В 1785–1787 годах Мансур активно действовал то в Чечне и Северном Дагестане, то в Кабарде и за Кубанью, организуя нападения на русские войска и проповедуя священную войну. Шейха Мансура можно считать идейным предшественником дагестанских имамов.

В досоветской, а частично в советской и современной историографии начало Русско-горской войны нередко увязывается с присоединением Восточно-Грузинского царства к России (1801 г.), в результате которого империя получила плацдарм в Закавказье и за короткий срок расширила его от моря до моря. По мнению ряда историков, в связи с этим обстоятельством возникла задача покорения горцев, дабы прочнее связать новые территории с основной частью государства. Поэтому эти авторы начало Кавказской войны относят к рубежу XIX столетия. Отсюда и выражение: «шестидесятилетняя кавказская война», часто встречающееся в литературе. Но в таком случае из хроники русско-горской войны выпадает значительный предыдущий период, когда к северу от Кавказского хребта также велись активные боевые действия.

В еще большей степени это замечание заслуживает датировка, отсчитывающая начало Кавказской войны с 1817 года (варианты: 1816, 1818 гг.), которая чаще всего встречается в настоящее время (хотя и оспаривается нередко). Здесь хрономаркером выступает назначение главнокомандующим на Кавказе генерала Ермолова и перенесение им укрепленной линии с Терека на Сунжу, что сопровождалось частичным вытеснением равнинных чеченцев в горы. А.П.Ермолов считается автором долгосрочной стратегии действий против горцев, пред-

полагавшей постепенное окружение кордонами³ непокорных районов и неуклонное сжимание их в кольце блокады. Часто цитируются и слова генерала: «Кавказ – это огромная крепость, защищаемая многочисленным, полумиллионным гарнизоном. Надо штурмовать ее или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду».

Наконец, 1829/1830 год – дата возникновения Кавказского имамата, сложившегося как централизованное государство в годы правления третьего имама – Шамиля (1834–1859). С этого времени в горском сопротивлении окончательно утвердился идеологический фон *газавата* – священной войны, что способствовало сплочению этнически и политически разобщенных групп населения. В целом, период с 1817 по 1864 годы можно считать кульминационным этапом Кавказской войны, достигшей апогея в 30–40-х годах XIX века.

Однако подобная многофакторность и многогранность не мешают рассматривать Русско-горскую войну как единое общественно-историческое явление, Ведь еще Р.А.Фадеев отмечал, что Кавказская война несколько раз меняла свой характер.

Менялись также взгляды на причины и природу Кавказской войны. Досоветская официальная российская историография рассматривала войну с горцами с великодержавных позиций, осуждая лишь злоупотребления чиновников. В то время расширение государственных границ считалось безусловным благом, а территориальные захваты для этого – допустимым средством. Это была эпоха, когда развивались

---

3. Кордоны (кордонные линии) – система пограничных укреплений, сооруженных русскими войсками в ходе Кавказской войны. Состояли из линии крепостей, отдельных фортов или редутов, укрепленных станиц, между которыми располагались наблюдательные посты (пикеты), казачьи заставы и секреты, двигались конные разъезды.

Британская и Французская колониальные империи, а США раздвинули свои пределы от Атлантики до Тихого океана. Точно также целью Российского правительства было включение Кавказа в состав империи. И при этом не подвергалось сомнению, что все препятствующее достижению этой цели могло быть подавлено силой оружия. Как писал в 1840 году российский военный министр граф Чернышев: «Необходимость употребления силы оружия [государем] и [императором] не только никогда не была отвергаема, а, напротив того, в предначертанном е[го] в[еличеством] плане к общему успокоению Кавказа, оно занимает <...> первое и главное место». Поэтому российские авторы, выражавшие официальную точку зрения, войну на Кавказе рассматривали как «умиротворение» края, а в действиях горцев ставили акцент на «хищничество» и религиозно-воинствующий характер мюридизма.

«Мюридизм» (от араб. *мурид* «последователь, ученик высшего духовного наставника») – условный термин, появившийся в русской литературе в середине XIX века, для обозначения одного из разновидностей ислама. Его последователи, известные под именем мюридов (муридов), разделяются на ряд орденов, или братств. Первоначально мюридизм имел в основе учение о *тарикате* – познании бога путем духовного самосовершенствования. С течением времени в учениях некоторых орденов существенное значение приобрела идея священной войны за торжество веры – *газават*. На Кавказе мюридизм, как идеология против завоевательной политики царизма, появился в Дагестане в 1820-х годах, хотя некоторые его элементы проповедовал еще шейх Мансур (Ушурма). Теоретики горского сопротивления приспособили это религиозное течение к задачам военно-политического сопротивления, развив идею неприятия мусульманами власти и гне-

та «неверных» (в данном случае русских-христиан). В превращении идеи газавата в основной догмат религии, а затем и в политический лозунг, заключается специфика кавказского мюридизма. Теократический вождь мюридов носил звание *имам* (араб. «предстоятель»). Таким образом, утвердившись на Кавказе мюридизм перестал быть чисто религиозным учением. На его основе в горах Дагестана и Чечни возникло государство – *имамат*, который в 1834 году возглавил аварец Шамиль, талантливый государственный деятель и полководец. Под его руководством дагестанцы и чеченцы в течение 25 лет отстаивали свою независимость в борьбе с могущественной Российской империей. На Западном Кавказе среди адыго-абхазских народов мюридизм не получил широкого распространения.

Начало советского периода в историографии ознаменовалось разрывом с имперской традицией. Историки-марксисты, опираясь на воззрения Маркса, Энгельса и Ленина, считали национально-освободительные движения частью мирового революционного процесса соответствующей эпохи, а его руководителей – выразителями народных интересов. При этом указывалось также, что объективно присоединение Кавказа к России имело прогрессивное значение, ускорило здесь развитие капитализма (со всеми вытекающими последствиями) и способствовало сближению местного населения с русским народом.

К концу 1940-х годов под влиянием новой политической конъюнктуры в СССР происходит резкий перелом в трактовке исторических событий столетней давности. Шамиля и других кавказских вождей голословно объявили англо-турецкими агентами, а Кавказскую войну – конфликтом, инспирированным извне. В постсталинскую эпоху подходы к освещению русско-горской войны оп-

ять видоизменились. Историки стали более осторожны в оценках, вернулись тезисы о колониальной сущности политики царизма на Кавказе и освободительном характере горского сопротивления, но при этом акцент ставился на добровольность вхождения в состав России почти всех народов края.

В 1983 году известный североосетинский историк М.М.Блиев в статье, помещенной в одном из ведущих исторических журналов, выдвинул новую в советской историографии идею, согласно которой Кавказскую войну вызвали грабительские наезды горцев на российское пограничье. По утверждению автора, империи пришлось силой отражать набеги и поэтому на Кавказе возникло перманентное состояние войны. Эта точка зрения не нова: многие российские публицисты и историки XIX века одной из причин военного наступления царских войск, называли «хищничество» горцев, хотя не скрывали и завоевательных устремлений царизма. (Как отмечалось, в ту пору внешняя экспансия считалась естественным процессом.) Но профессор Блиев, видимо, с позиций современных воззрений, акцентирует внимание только на горские набеги, фактически отводя русским в войне роль обороняющейся стороны. При этом, стараясь обосновать причины военной активности горцев особенностями их быта и общественного строя, он весьма снижает уровень развития народов Северного Кавказа в XVIII–XIX веках, вопреки научным данным и распространенной точке зрения. Поэтому большинство кавказоведов критически отнеслись к гипотезе Блиева, хотя у него появились последователи и единомышленники, особенно в постсоветский период.

Абхазия накануне присоединения к России. В рассматриваемое время Абхазия являлась феодальным княжеством

во главе с домом Чачба (Шервашидзе)⁴. Представители этого аристократического рода управляли страной с XII века сначала в роли эриставов – наместников грузинских царей, а затем в качестве самостоятельных владетелей (абх. *ах*). К XVIII веку территория княжества тянулась вдоль приморской полосы от Гагры до крепости Анаклия. Как феодальное образование Абхазское княжество не отличалось централизацией власти. Владетельный князь непосредственно правил только западной частью его территории, до реки Кодор, Восточная Абхазия – Кодоро-Ингурское междуречье (абх. *Кудрыи-Егрыи рбжара*) – состояла из двух удельных владений, *Абжуйского* и *Самурзаканского*, которыми правили младшие ветви княжеского рода Чачба-Шервашидзе. Позднее из владетельского домена выделился еще один удел – *Гум*, в Центральной Абхазии. Удельные владельцы считались вассалами главного владетеля, хотя пользовались почти полной самостоятельностью. Кроме того, эти феодально-административные единицы Абхазии (в русских документах – *округа*) делились на отдельные села, или общины (абх. *акыта*), состоявшие, обычно, из нескольких поселков (*ацута*, *ахабла*). В первой половине XIX века в Бзыбском округе насчитывалось 33 общины, в Сухумском (Гумском) – 15, в Абжуйском – 18 общин. Во главе общины обычно стоял *ахылапшию* (покровитель, патрон) из какой-нибудь княжеской (*атауад*) или дворянской (*аамыста*) фамилии, рассматривающий данное село как свое наследственное владение. Села, принадлежавшие

---

4. Фамильное имя «Шервашидзе», которое преимущественно встречается в российских источниках и литературе, происходит от грузинского названия рода Чачба – «Шарвашидзе». В абхазской речи эта форма не употребляется. Однако между терминами «Чачба» и «Шервашидзе» нет какого-либо внутреннего различия, это два обозначения одного и того же исторического рода.

непосредственно владельцу или удельным владельцам, возглавлялись управляющими из числа вассальных князей или дворян. Некоторые из них с течением времени приобретали права обыкновенных ахылапшю.

Примерно с 1578 года Абхазское княжество находилось в вассальной зависимости от султанской Турции, но эта зависимость не была постоянной и устойчивой. Об этом в своих записках отмечает еще турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Абхазию в 1641 году. Абхазов он именует «непокорным и мятежным» народом, не платящим дани. Подобная ситуация сохранялась и позднее. В Абхазии долгое время не было турецкой администрации и войск. В начале XVIII века османцы построили крепость в Сухумской бухте на месте древнего римского укрепления, но попытки проникнуть внутрь страны были безуспешными. Впрочем, турецкое влияние давало о себе знать в различных сферах абхазской жизни. В том числе это выразилось в распространении ислама, правда, лишь поверхностно усвоенном абхазами.

По свидетельству К.Пейсонеля, служившего в 1753–1757 годах французским консулом в Крыму, османское правительство назначало в Абхазию своего бея, называемого беём абазинцев (абхазов. – Г.А.), который, однако, пользовался только титулом начальника без всякой власти. «Резиденция бея находится в Сухуме, – пишет Пейсонель. – Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею, и лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению». Грузинский историк и географ XVIII века царевич Вахушти считает абхазского владельца независимым правителем («Шарвашидзе, державец абхазский, никому не подвластен»). Аналогичная оценка полити-

ческого состояния Абхазии дана в записке Коллегии иностранных дел России от 1753 года («Большой Абазы, никому не подвластной»).

Восточные, западноевропейские и русские авторы XVII–XIX веков и абхазов, и предков северокавказских абазин именуют абхазами или абазой (основа обеих форм древний этноним «абазг»). Русский кавказовед Л.Я.Люлье в 1857 году в связи с этим вопросом писал: «Во избежание всякого недоумения следует объяснить, что Abazintci и Abadzas <...> суть одни и те же, поэтому неосновательно было бы полагать какое-либо различие между названиями Абазов, Абазинцы и Абхазы». По объяснению ученого: «Слова Абазия и Абхазия есть название одной и той же страны: первое – произносимое по-черкесски, а второе – по-грузински». Например, в русских письменных источниках XVII–начала XIX века абхазы обычно именуются абазой, абазинами. Лишь позднее в русском языке, под влиянием грузинского, укореняется термин «абхаз/абхазец» (изредка встречается переходная форма – «абхазин»), а термин «абaziны» закрепляется за северокавказской ветвью абхазо-абазинской общности. В разноязычных источниках территория нынешней Абхазии (иногда вместе с Северо-Восточным Причерноморьем почти до Геленджика) именуется *Большой Абхазией* (или *Большой Абазой*), а территория на Северном Кавказе, где проживали предки современных абазин (в верховьях реки Кубани и ее притоков – Теберды, Зеленчуков, Урупа, Лабы, – а также в верховьях Кумы и Подкумка), именуется *Малой Абхазией* (*Малой Абазой*). У более поздних авторов термин «Малая Абхазия» охватывает страну садзов (см. ниже), но возможно это позднее осмысление термина. Исторические источники однозначно указывают, что северокавказские абазины выходцы из областей, расположенных у Черного моря, южнее Кавказского хребта. Видимо, поэтому Большую Абхазию иначе называли также *Старой Абхазией*.

Малоэффективность турецкого наступления на Абхазию объясняется кроме народного сопротивления также факторами природно-географического порядка. Горно-лесистый характер страны с заболоченным побережьем и почти полное отсутствие колесных дорог препятствовали движению войск, незнакомых с местностью. По свидетельству барона Торнау⁵, «абхазские леса были непроходимы для того, кто не знал местности и всех проложенных по ним воровских тропинок. Дерево теснилось возле дерева, огромные пни и корни деревьев, опрокинутых бурей, загораживали дорогу со всех сторон; колючие кусты и тысячи нитей от вьющихся растений, снабженных острыми шипами и широкими листьями, пересекали путь и составляли непроницаемую сеть, через которую можно было прорываться только с помощью топора и кинжала. Поэтому иногда, даже видя неприятеля, нельзя было до него добраться и его преследовать». К тому же Абхазия находилась в отдалении от основных турецких баз в Причерноморье. Недаром отмечается в османском документе XVIII века: «[Сухумская] крепость расположена в конце Черного моря, в окружении “неверных” абхазов, на большом расстоянии от Трабзона и Крыма».

В 1784–1808 годах владетельным князем Абхазии был Келеш-Ахмед бей (Келешбей) Чачба, которого современни-

---

5. Торнау Ф.Ф. (1810-1890) – русский офицер, военный разведчик, дипломат и писатель. Происходил из курляндских баронов. В 1830-х годах Торнау совершил несколько разведывательных экспедиций в горы Западного Кавказа, в ту пору недоступные для русских. Во время последней экспедиции он был разоблачен и провел в плену более двух лет. Позднее на основе своих наблюдений написал ценные документальные литературные произведения о Кавказе. В воспоминаниях Торнау находим данные о положительных качествах, присущих абхазам и адыгам, с которыми он встречался во время своих странствий.

ки характеризуют как человека, одаренного умом, силой и предприимчивостью. Турки доверяли ему, так как он вырос в Стамбуле, служил в султанских войсках, имел репутацию правоверного мусульманина, и помогли занять княжеский престол после смерти дяди, владельца Зураба (Алибея), считавшегося в Турции мятежником и вероотступником. С новым князем Абхазия вернулась под сюзеренитет Порты. Келешбей сохранил за собой и Сухумскую крепость, и звание двухбунчужного паши. Сухумская крепость, в недавнем прошлом турецкий форпост, становится главной резиденцией абхазского владетеля.

Однако Келешбей не стал ревностным проводником османских интересов, хотя всячески подчеркивал свою преданность султану. Порою даже собственное войско он объявлял турецким, но при этом, говоря словами его современника, русского администратора и историка Семена Броневского: «мало заботился о выполнении фирманов, от Порты посылаемых». Опираясь на военные силы (8–12 тысяч человек, в отдельных случаях вместе с наемными и союзными отрядами до 20–25 тысяч) и дипломатию макиавеллистического толка, Келешбей проводил активную внешнюю и внутреннюю политику. Он расширил свои домениальные владения, подчинил *садзов*, племен абхазского корня, населявшие территорию от Гагры до Сочи, и вмешивался в междоусобицы западнотурецких феодалов. По свидетельству современника: «Келеш-бей был удачливым там и почтеннейшим, кроме абазинских народов, уважаем весьма грузинскими и черкесскими».

Как известно, начало XIX века – это период вхождения Закавказья в состав Российской империи. В Западную Грузию русских призвал мегрельский *мтавар* (владетель) Григол Дадиани, теснимый войсками имеретинского царя Соломо-

на II. Соломон стремился овладеть Одишским (Мегрельским) княжеством, но в июле 1804 года император Александр I подписал акт о присоединении Мегрелии к России на автономных началах. Это не только нарушило объединительные планы имеретинского царя, но и стало началом конца османского присутствия в Западной Грузии, которую в Стамбуле все еще рассматривали как часть своей политической системы.

Вскоре в Одиши высадился отряд русских войск, заложивший в устье р. Хоби укрепленный пост, впоследствии названный *Редут-Кале*. Это первое русское укрепление на восточном берегу Черного моря находилось посередине между турецкой крепостью Поты (тур. *Фаш-Калеси*) и Анаклией, которую удерживали абхазы от имени турецкого султана.

Келешбей, желая сыграть на русско-турецких противоречиях, в 1803 году установил связь с главнокомандующим русскими войсками на Кавказе генералом Цициановым, однако секретные переговоры на предмет принятия российского покровительства не дали определенных результатов, а в 1805 году дело дошло даже до вооруженного столкновения. В Абхазии находился в заложниках юный наследник мегрельского престола Леван Дадиани, которого Келешбей не отпускал домой, несмотря на настойчивые требования русских. Чтобы сделать абхазского владельца уступчивее, генерал Рыкгоф, командующий русскими войсками в Мегрелии, атаковал и захватил Анаклийскую крепость, но конфликт был вскоре улажен, Келешбей отпустил княжича и получил Анаклию назад.

Открытый разрыв с Османской империей у абхазского владельца произошел в конце 1805 года, когда он приютил у себя беглого турецкого сановника Таяр-пашу, обвиненного в государственной измене. Султан Селим III потребовал голову

беглеца, посулив Келешбею взамен третий бунчук и другие достоинства, но владетель, ссылаясь на закон гостеприимства, не только не выполнил приказ, но и помог опальному паше бежать в Россию, чем навлек на себя гнев султана. Летом 1806 года против Абхазии была направлена турецкая флотилия (всего 11 кораблей) с десантом на борту, но ее начальник, обнаружив, что Келешбей располагает сильными береговыми укреплениями и многочисленным ополчением, без боя повернул назад. Не смогли выступить и правители пограничных эялетов Северо-Восточной Анатолии, получившие приказ содействовать начальнику флотилии, так как дорога через Западную Грузию была блокирована русскими войсками. С этого момента, как сказано в документе, абхазский владетель больше «повелений султана не исполнял, управляя своим народом».

Порвав с формальной зависимостью Абхазии от Османской империи, Келешбей не спешил вступать в подданство России, активно утверждавшейся на Южном Кавказе. Генерал Рыкгоф в своем рапорте 8 июня 1807 года отмечает: «Келеш-бек только наружно оказывает русским его дружбу». Если исходить из конкретных фактов, примечательно, что в марте 1807 года русские предложили Келешбею отбить у турок крепость Поти (шла русско-турецкая война 1806–1812 гг.), в которой начальствовал Кучукбей Чачба, родственник владетеля. Абхазские отряды выступили в поход, но активного участия в боях не приняли, а затем были распущены под предлогом отсутствия продовольствия.

Знаменательно, что в это же самое время Абхазией заинтересовался Наполеон, замышлявший создать под эгидой Франции ирано-турецкий военный союз, направленный против России. Своему представителю в Константинополе полковнику Себастиани он предписывает поддерживать

добрые отношения с абхазским князем (Келешбеем), чтобы привлечь его в этот союз. По идее императора французов, союзники должны были устроить большую диверсию на южных границах Российской империи, одновременно атаковать Грузию, Крым и Бессарабию.

В столь непростой политической обстановке в ночь на 2 мая 1808 года 61-летний владетельный князь Абхазии Келешбей был убит в своей сухумской резиденции. Кто «заказал» это убийство, доподлинно не известно. Российские источники обвиняют в этом старшего сына владетеля, Асланбея, яркого противника России, но в устранении Келешбея могли быть заинтересованы и турки, и некоторые феодальные кланы Абхазии «за его слишком крутое обращение с ними», и русское начальство в Тифлисе (как именовали тогда на русском языке Тбилиси), разуверившееся в преданности абхазского князя.

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ПРОТЕКТОРАТА НАД АБХАЗИЕЙ (1810–1830 гг.)

Убийство Келешбея дестабилизировало обстановку в Абхазском княжестве. Остро встал вопрос о престолонаследии. Власть захватил Асланбей, заявивший о своей верности султану. Против него выступил второй сын Келешбея – Сафарбей, принявший крещение под именем Георгия. Однако сафарбей–Георгий не располагал достаточными силами для борьбы с Асланбеем и, «не рассчитывая много на поддержку народа», ушел в Мегрелию, откуда с помощью мегрельской правительницы Нино Дадиани, на золовке которой он был женат, обратился с просьбой к Александру I поддержать его и принять в российское подданство. Из Петербурга пришел положительный ответ, но так как дело происходило во время перемирия с Турцией, было предписано хранить все в тайне до благоприятного момента.

Интересы русского правительства в Абхазии. Объектом пристального внимания правящих кругов России Абхазское княжество становится во второй половине XVIII века, когда

борьба Российской империи за выход к Черному морю достигла решающей стадии. Абхазия вызывала интерес русского правительства в первую очередь своим выгодным географическим положением, как один из возможных путей через Кавказ в Грузию и на Ближний Восток. Так, еще в 1752 году астраханский губернатор И.Брылкин собирал сведения о дороге от Кубани к Грузии, называемой «Абазинской». Его интересовал вопрос: «какими местами та дорога лежит и к маршрутированию войска способная быть может ли?».

Привлечь внимание русских к Абхазии настойчиво стремились грузинские дипломаты, заинтересованные в российском присутствии в Восточном Причерноморье в противовес Османской империи. Так, в 1785 году имеретинский посол Зураб Церетели предлагал в Петербурге построить русскую крепость и порт в *Цихисдзири* (Аджария), откуда можно будет распространить влияние России на Имеретию, Гурию, Одиши и Абхазию. Спустя два года, глава нового имеретинского посольства Виссарион Габашвили (поэт Бесики) снова поднимает вопрос об Абхазии. В докладной записке от 16 сентября 1787 года, врученной русскому главнокомандующему в войне с турками, князю Потемкину, он предложил ввести русские войска в Абхазию, пока там не закрепились турки. При этом посол отметил, что среди абхазов много христиан, в том числе и князя, что облегчит дело. В 1789 году Бесики смягчил имеретинские требования и, настаивая уже на вводе войск, предлагает признать независимость Абхазии от Турции («Абхазию оставить по себе», «дать им волю») и урегулировать с ней торговые отношения, что в дальнейшем должно привести к добровольному принятию абхазами российского покровительства.

В Петербурге понимали, что присоединение Абхазии к России может сыграть решительную роль в вытеснении турок

из Восточного Причерноморья, укрепить российский контроль над Западной Грузией и создать плацдарм в тылу воинственных народов Северо-Западного Кавказа. Кроме того, обладание удобной Сухумской гаванью значительно облегчало морские коммуникации между Крымом и Закавказьем, что имело стратегическое значение, так как единственная транскавказская «магистраль», контролируемая русскими, Военно-грузинская дорога, находилась под постоянной угрозой нападения горцев и сообщения по ней производились под прикрытием сильных отрядов с артиллерией. Наконец, интерес российского правительства вызывали природные ресурсы Абхазии, в особенности, богатые корабельные леса.

Взятие Сухумской крепости и установление российского протектората. Весной 1809 года в Западной Грузии возобновились боевые действия между Россией и Турцией. Русские войска осадили Поты, вынудив Кучукбея сдать крепость и отплыть в Трабзон с остатками гарнизона (ноябрь 1809 г.). После взятия Поты наступила очередь Имеретинского царства, так как Соломон II, в отличие от правителей Мегрелии и Гурии, не собирался покоряться русским. В имеретинской кампании 1810 года русским войскам помогали ополчения мегрельских и гурийских феодалов. Асланбей, состоявший в союзе с Соломоном, двинулся против Мегрелии с 4-тысячным отрядом. Но 8 июля 1810 года в Сухумской бухте показалась эскадра российского Черноморского флота в составе 66-пушечного корабля, трех фрегатов и двух канонерских лодок, с десантом морской пехоты на борту. Асланбею пришлось спешно возвращаться назад.

По описанию В.А.Потто, подступившая к гавани эскадра, «со всех судов открыла жестокий огонь по городу. На другой день к вечеру большая часть крепостных амбразур была уже разрушена, лафеты подбиты, суда, стоявшие на рейде, затоп-

лены, и сам город, объятый пламенем, представлял страшную картину разрушения. Два дня неприятель оборонялся, но на третий день не выдержал и бежал в Кавказские горы, покинув в крепости восемь знамен и шестьдесят два орудия. Русские войска тотчас заняли город, где после бомбардирования, в полном смысле слова, не осталось камня на камне». Согласно российским источникам, защитники крепости потеряли 300 человек убитыми и 78 пленными (из них пятеро тяжелораненых вскоре скончались), потери русских составили 109 убитых и раненых.

Через несколько дней в полуразрушенный город вошла новая колонна русских войск в сопровождении Георгия (Сафарбея) Шервашидзе, провозглашенного владетельным князем под верховным покровительством России, императору которой он принес «публично перед народом присягу на вечную верность». Асланбей к тому времени отступил в Джигетию⁶ «с весьма малым числом ему преданных». Впоследствии он еще много лет боролся против русских ставленников в Абхазии.

Покорение Сухумской крепости и возведение российского ставленника на абхазский престол было крупным успехом русской политики на Кавказе. Главнокомандующий войсками в Грузии и на Кавказской линии генерал Торماسов в письме к главе Государственного Совета Российской империи, графу Н.П.Румянцеву, от 6 августа 1810 года, поздравил его с приобретением «Сухумской крепости, владычествующей над всем народом абхазским, <...> и превосходной гавани, делающей нас теперь полными властелинами того берега Черного моря».

В том же 1810 году Имеретинское царство было превращено в провинцию Российской империи под названием

---

6. Джигетия (от груз. *Джикети*) — так в российских источниках именуется страна садзов (абх. *Садзын*). Отсюда и русское название садзов — джигеты.

Имеретинская область. Управляющему Имеретией вверялся также административный надзор за княжествами – Мегрелией, Абхазией и Гурией. Имеретинская область, со своей стороны, находилась в зависимости от главноуправляющего в Грузии, являвшегося главным начальником закавказских владений Российской империи и одновременно главнокомандующим русскими войсками на Кавказе, высшим представителем военной и гражданской власти.

Царское правительство в некоторых пограничных или непрочно присоединенных районах Кавказа временно, на автономных началах, оставляло у власти местных феодальных владельцев – князей, ханов, шамхала и др. Это делалось с целью использовать их ресурсы в российских интересах. Но как только отпадала нужда в этих правителях, их владения упразднялись, а территория непосредственно включалась в состав империи. В Восточном Причерноморье, расположенном между Турцией и землями независимых горских народов, правительство сочло целесообразным на время сохранить власть владельцев Мегрелии, Абхазии и Гурии. Из них Гурийское княжество было упразднено уже в 1828 году из-за попытки правительницы Софии Гуриели, оскорбленной недоверием главного кавказского начальства, вернуться в турецкое подданство.

Абхазское и Мегрельское княжества сохранялись до второй половины XIX века. Владетельный дом Дадиани были самой верной опорой российской власти в регионе. Феодальное ополчение Мегрелии неизменно участвовало в подавлении антирусских выступлений в Имеретии, Гурии и Абхазии. Поэтому в Тифлисе особенно благоволили мегрельским мтаварам. В территориальных спорах с владельцами Абхазии и Гурии, российские администраторы обычно выносили решения в пользу князей Дадиани.

Автономный статус Абхазии сохранялся до 1864 года, что объясняется ее соседством с территорией воюющих с Россией горцев, а также твердой уверенностью российских властей в том, что без поддержки дома Шервашидзе, пользовавшегося авторитетом в народе, не удастся удержать Абхазию в рамках хрупкой стабильности, и она присоединится к непокорным северным соседям.

Политико-административная структура Абхазского княжества. В составе Российской империи Абхазское княжество, где последовательно правили Георгий (Сафарбей) Чачба-Шервашидзе (1810–1821), а затем его сыновья – Дмитрий (Омарбей) (1821–1822) и Михаил (Хамутбей) (1822–1864)⁷, занимало значительно меньшую территорию, чем в предыдущий период. Горные общества Абхазии – *Цебельда (Цабал), Дал, Псху, Аибга, Ахчипсы, Чужгуча*⁸, где правили различные ветви рода Маршан (маршания), не приняли верховное покровительство Российской империи и отказались подчиняться владельцу – российскому ставленнику. Независимость сохранили также большинство обществ Джигети, где под влиянием Георгия Шервашидзе подданство России

---

7. В именовании абхазских князей этого периода наличие двух имен – мусульманского и христианского – отражение их перехода из ислама в христианство. Однако даже членов владетельного дома, открыто исповадовавших православие, абхазы преимущественно знали под их мусульманскими именами.

8. Цабал и Дал (последний в источниках иногда называется *Верхней Цебельдой*) занимали верхнюю часть Кодорского бассейна, Общество Псху находилось в верхнем течении реки Бзыбь. Аибга и Ахчипсы – в верховьях рек Псоу и Мзымты, Чужгуча располагалась на реке Чужипсы. Жители этих обществ (за исключением Дал-Цабала) были известны под собирательным названием мдюаа, или медовеевцы в русской передаче. Некоторые авторы XIX века медовеевцев относят к садзской общности, но другие считают их отдельной ветвью абхазского этноса, считая садзами только жителей приморской полосы. Между наречием, на котором говорили мдюаа, и бзыпским диалектом абхазского языка было небольшое различие.

принял только князь Леван Цанба, владелец Цандрипша. Впоследствии, вплоть до 1864 года, отдельные садзские феодалы, то принимали русское подданство, то снова выходили из подчинения.

Прибрежные историко-этнографические области Абхазского княжества – Бзып, Гум, Абжуйское и Самурзаканское владения, как и прежде, находились под верховной властью различных ветвей дома Чачба-Шервашидзе. Бзыбская Абхазия (*Бзып*) являлась доменом владельца, с резиденцией в *Лыхны*, так как Сухумская крепость, или Сухум-Кале, как ее называли на турецкий манер, с 1810 года стала пунктом дислокации русских войск.

После вступления Абхазии в российское подданство, из-за начавшихся смут стало снижаться влияние абхазских владетелей на Самурзаканский округ, чем пытался воспользоваться мегрельский мтавар Леван V Даддани, намеревавшийся овладеть этим пограничным районом. Гумский и абжуйский уделы сохранялись в составе Абхазского княжества вплоть до его упразднения в 1864 году, хотя их владельцы далеко не всегда подчинялись, а порой и враждовали с владельцами Абхазии. Гумом до конца 1830-х годов (с перерывом) правил один из младших сыновей Келешбея – Хасанбей, с резиденцией в *Келасурском* портовом поселении, где на живописном холме располагался его укрепленный замок. Абжуйским уделом правил князь Алибей (в христианстве – Александр), с резиденцией в селе *Кутол*.

Правление князя Георгия (Сафарбея). Первые годы после установления протектората России, ее влияние в Абхазии было минимальным. Русские войска занимали только Сухумскую крепость, практически не вмешиваясь в местный уклад жизни. Как отмечает Н.Ф.Дубровин, автор многотомного сочинения «История войны и владычества русских на Кавказе»:

«Абхазия только на картах была введена в черту владений России, в действительности власть наша в этой стране была совершенно ничтожна». Политическая обстановка на новоприобретенной территории не внушала доверия русской администрации, не чувствовавшей себя в безопасности даже в стенах Сухумской крепости. По сообщению Потто, «Самый гарнизон [Сухум-Кале] жил как бы в постоянной блокаде: нужно ли было нарубить в ближайшем лесу дров, или накопить сена – солдаты посылались вооруженными командами; никто из абхазцев не впускался в крепость вооруженным; сторожевая цепь, с ружьем у ноги, днем выдвигалась вперед на сто шагов от крепости; на ночь она убиралась, но крепостные ворота тогда запирались, и за стены выпускались собаки, которые оберегали гарнизон от нечаянных ночных нападений, громким лаем давая знать о приближении абхазцев, которых они ненавидели».

Владение Абхазией в первое время после установления над ней российского протектората, было сопряжено с такими затруднениями, что в Петербурге несколько раз возникал вопрос о том, не уступить ли ее туркам, тем более что они оспаривали у России это вассальное владение. Однако среди российской элиты были влиятельные противники этой меры. Так, крайне резко выступал против передачи Абхазии генерал Ермолов, ссылавшийся на соображения престижного и геостратегического порядка.

Георгий (Сафарбей) Чачба-Шервашидзе, получивший власть благодаря русским, не пользовался популярностью в народе. Ему приходилось обращаться с просьбами к русским властям прислать в Абхазию войска, чтобы «силой оружия унять» непокорное население. Начальник Имеретинской области, генерал Курнатовский в 1818 году прямо писал: «Абхазский владелец на самом деле еще слабее в управле-

ние своим народом, нежели как сам о себе пишет, так что не смеет почти показаться народу, не хотящему ему повиноваться. Главнейшая причина такого неповиновения есть та, что настоящий владелец утвержден в сем звании без дальнейшего исследования о преданности к нему абхазцев, – народа горского, вольного и воинственного...». Эмигрировавший из страны Асланбей по-прежнему себя считал законным владельцем, и в этом его поддерживали турки. Серьезным соперником Георгия считался и младший брат Хасанбей, владевший Гумский уделом. Потто характеризует его как «человека железного, предприимчивого характера, но, к сожалению, всей душой преданного мусульманству». У русских властей Хасанбей доверием не пользовался. Поэтому после смерти Георгия Шервашидзе (февраль 1821 г.) комендант Сухумской крепости майор Могилянский, выполняя приказ начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса⁹ генерала Вельяминова, под благовидным предлогом пригласил к себе Хасанбея, и когда гумский владелец, как почетный гость, вошел в его дом, на него набросились солдаты, повалили на пол, обезоружили и связали веревками. Небольшая свита князя, остававшаяся во дворе, услышала шум и, заподозрив неладное, с обнаженными шашками бросилась на выручку. Запертые двери были сорваны с петель, но здесь нападавших встретили штыками. Двух абхазов закололи, остальных обезоружили. Арестованного Хасанбея тайно вывезли морем за пределы Абхазии и препроводили в Сибирь, где он прожил под надзором до 1828 года, когда был освобожден по хода-

---

9. Отдельный Кавказский корпус – войсковое формирование Российской империи, предназначенное для выполнения самостоятельных задач на Кавказском операционном направлении. Создан в 1820 г. на базе войск, расположенных в Закавказье и на Кавказской линии. В 1857 г. переформирован в Кавказскую армию.

тайству преемника Ермолова на Кавказе, генерала И.Ф.Паскевича (с 1829 года генерал-фельдмаршал).

В.А.Потто приводит любопытный эпизод, связанный с шашкой Хасанбея, интересный с разных точек зрения, как документ времени. По словам историка: «Гордый абхазский князь уединенно и мрачно провел эти годы изгнания, не прося ни участия, ни снисхождения. С одним он не мог примириться – с потерей дорогого для него оружия. Неоднократно обращался он и в Тифлис, и в Петербург, прося единственной милости – возвращения ему заветной шашки, отобранной у него Могиланским при аресте.

Он писал, что шашка эта досталась ему по наследству от предков, что по доброте и древности своей она не имеет цены и известна целой Абхазии. Ему не отвечали. Но когда он вернулся из Сибири, то принялся хлопотать с такой настойчивостью, что просьба его дошла до самого государя. Император Николай рыцарским чувством оценил всю важность утраты азиатского князя и приказал, во что бы не стало разыскать шашку. Могиланского в то время уже не было на Кавказе, он служил в Херсоне и на все вопросы отвечал, что ни вещей, ни сабли Хасан-бея при его аресте к нему не поступало, что вещи и оружие захвачены были командой и что Могиланский не считал себя возможным отбирать их от солдат, которым они достались по праву войны. Могиланский писал, однако, что у него, действительно, имеется сабля, которую он купил на Кавказе у поручика Бочкарева (уже умершего к тому времени. - Г.А.) за сто пятьдесят голландских червонцев, но чья была эта сабля, ему неизвестно. Потребовали мнение по этому поводу от командовавшего тогда войсками на Кавказе барона Розена. Розен отвечал, что Хасан-бей был взят не в бою, а арестован в Сухуме, и поэтому вещи его никак не могли принадлежать команде по праву войны. “Что же касается до отзыва Могиланского о неизвестности, кому принадлежала сабля, – писал

он далее, – то он неоснователен; кто знает здешние обычаи, тот может удостоверить, что никакое оружие никогда не продается здесь без больших или меньших рассказов об его истории”. По резолюции государя сабля была отобрана у Могиянского, и Хассан-бей имел удовольствие получить ее ровно через одиннадцать лет после своего ареста. Сабля сопровождается была к нему при собственноручном письме барона Розена».

Восстание 1821–1824 годов. Смерть владельца и вероломный захват Хасанбея вызвали массовые волнения в Абхазии. Народное движение возглавил Асланбей, спешно вернувшийся на родину. Силы его быстро росли. 11 сентября 1821 года он торжественно проехал под самыми стенами Сухумской крепости во главе значительной конницы, с пятью распущенными знаменами. Затем абхазское ополчение, усиленное отрядами садзов и убыхов, выдвинулось к самурзаканской границе.

Для усмирения Абхазии правитель Имеретинской области генерал-майор князь Горчаков выступил в поход с военными силами (5 пехотных рот при двух орудиях и полусотня казаков). Его сопровождал с конными лечхумцами¹⁰ (600 сабель) один из высших сановников Мегрельского княжества, полковник Николай Дадиани или, как его звали в народе, «Большой Нико» (впоследствии генерал-майор, автор исторического сочинения «История Грузин»), который, опираясь на родственные связи с абхазской знатью, уговорил абжуйского владельца Алибея (Александра) Чачба и князя Салрып Маршан, «которого слушались все цебельдинцы», отступить от Асланбея.

Асланбей, лишившись важных союзников, отошел к ус-

---

10. Лечхуми – историко-этнографическая область в Западной Грузии. В рассматриваемое время входила в состав Мегрельского княжества.

тью Кодора, и здесь с 3-тысячным войском встретил Горчакова. Бой длился 16 часов, но русские прорвали укрепленные позиции повстанцев и 13 ноября 1821 года вступили в Сухумскую крепость. Оттуда Горчаков, выслав часть войск к Цебельде, с основными силами вторгся в Бзыбскую Абхазию, опустошая все на своем пути. Асланбей с несколькими приверженцами ушел в Джигетию. Каратели преследовали его до реки Бзыбь, где сожгли дворец князя Нарчоу Инал-ипа, приверженца Асланбея, разорили окрестные села и повесили двух повстанцев «для устрашения абхазов».

Князь Горчаков провозгласил владетелем Абхазии старшего сына Георгия Шервашидзе, Дмитрия (Омарбея), который с 1810 года как заложник воспитывался в Петербурге, а теперь был послан на Кавказ. Для защиты молодого владетеля в его лыхненской резиденции были оставлены две пехотные роты с двумя орудиями. В январе 1822 года Асланбей с отрядом садзов атаковал Лыхны, но был отброшен русскими и покинул пределы Абхазии.

Нового владетеля, Дмитрия, забывшего родной язык за годы пребывания на чужбине, абхазы не признавали своим. Ходили слухи, что вместо настоящего княжича к ним прислали другого человека. «Если бы он был из Шервашидзевои фамилии <...> то не отдал бы свои земли русским. Если он истинный сын покойного Сефер-бея, то пусть выгонит русских из своего владения и из Сухума», – так, в передаче Дубровина, говорили в народе. Но в октябре 1822 года Дмитрий умер после непродолжительной болезни. Согласно официальному мнению его отравил одним из сторонников Асланбея, хотя по другой версии причиной смерти послужила жестокая абхазская малярия.

В 1823 году владетелем Абхазии был утвержден второй сын Георгия Шервашидзе, 17-летний Михаил (Хамутбей), ко-

торый, в отличие от обрусевшего Дмитрия, «был воспитан в обычаях родины». Однако его власть была еще более слабой. Только 300 русских солдат при десяти офицерах с тремя орудиями, да горсточка верных абхазов обеспечивали его безопасность в Лыхны. В стране продолжались волнения, усилившиеся к 1824 году. Для устрашения абхазов русские власти решили примерно наказать жителей некоторых селений. В ночь на 29 мая 1824 года отряд войск сухумского гарнизона силой в 225 штыков сжег селение *Акала* в окрестностях города, но на обратном пути через лесной массив попал в засаду и был разбит, потеряв 42 человека. В числе первых был убит сухумский комендант подполковник Михин, возглавлявший вылазку. Это послужило сигналом для восстания, охватившего всю Абхазию. На турецком корабле поспешил на родину Асланбей. Повстанцы блокировали сухумский и лыхненский гарнизоны, нападали на владения феодалов, сохранявших верность России. В числе руководителей осады укрепленного Лыхненского дворца был бзыбский дворянин Кац Маан (Маргания), игравший видную роль в абхазских событиях.

Русское командование приняло энергичные меры для подавления восстания. На Абхазию опять двинулся Горчаков с двумя регулярными батальонами (1400 чел.) при четырех орудиях и вспомогательной мегрельской милиции (1100 чел.).¹¹ Для содействия войскам из Севастополя были вызваны боевые корабли. Первая стычка с абхазами произошла на границе с Мегрелией. Русские с боями продвигались вперед. Особенно трудным оказался последний переход в 25 верст, когда войска шли по узкому пляжу между густым лесом и морем, «среди бесперывного боя, паляще-

---

11. Милиция – иррегулярные формирования русской армии на Кавказе, рекрутируемые из местного населения.

го зноя и по раскаленному песку». Неоценимую помощь наземным силам оказала корабельная группа поддержки (три фрегата и три брига), расчищавшая путь отряду артиллерийским огнем. «Убедившись, что остановить наступление русских нельзя, – пишет В.А.Потто, – абхазцы рассыпались по опушке леса; и, оставив в покое солдат, стали стрелять исключительно по артиллерийским и вьючным лошадям. Скоро большая часть их была перебита, и отряд хотя дошел до Сухума, но там вынужден был остановиться, так как не на чем было везти ни провианта, ни снарядов, ни орудий».

К вечеру 10 июля Горчаков достиг Сухумской крепости, а 20-го началось наступление на Бзыбский округ. Продемонстрировав ложным маневром, будто войска пойдут береговой дорогой, Горчаков главные силы отряда перебросил морем на *Бамборский мыс* (близ Лыхны), рассеял повстанцев и деблокировал лыхненское укрепление, находившееся в глухой осаде почти 50 дней. Однако удержать Лыхны не представлялось возможным. Абхазы снова стали собираться в боевые группы и Горчаков, забрав с собой орудия и избежавший гибели гарнизон, поджег укрепление и вернулся в Сухум-Кале тем же путем, отбивая наскоки повстанцев. На этом кампания 1824 года была завершена. Походы Горчакова не привели к закреплению русской власти в Абхазии и отвод правительственных войск превратился в вынужденное отступление. Оставив часть войск на усиление сухумского гарнизона, остальные силы Горчаков 2 августа отправил в Редут-Кале на военных судах, так как по слухам цебельдинцы занимали береговую дорогу. Общие потери экспедиционного отряда составили убитыми и ранеными 6 офицеров и 222 нижних чина, из которых почти половина была выбита из строя 10 июля в бою у береговой Келасурской башни. Покинуть Абхазию вместе со своим семейством пришлось и

князю Михаилу, лишенному поддержки своего народа. Он вернется домой в 1830 году, с отрядом «Абхазской экспедиции» (см. ниже) и уже твердо возьмет власть в свои руки. А до этого момента Михаил посещал свои владения наездами, проживая преимущественно в Редут-Кале или в Тифлисе. На территории Абхазии русские войска в течение шести лет оставались только в Сухумской крепости.

Генерал Ермолов намеревался повторить карательный поход, чтобы страхом жестокого наказания заставить абхазов смириться и признать русскую власть, но князь Горчаков, лучше знавший местную ситуацию, убедительными доводами отклонил его от этой мысли. Вскоре дела на Кавказской линии и осложнения с Персией отвлекли внимание Главнокомандующего, и Абхазия временно была оставлена на произвол судьбы. О том, что происходило там, высшее начальство узнавало только из случайных донесений сухумского коменданта.

После вывода русских войск из Абхазии (гарнизон Сухум-Кале не в счет, из-за своей слабости он мог только защищать крепость, не контролируя даже ее ближайших окрестностей), освободительная борьба в Абхазии переросла в междоусобную войну абхазских князей. Обстановка относительно стабилизировалась по-видимому к началу 1827 года, когда, по выражению нового главнокомандующего Паскевича, «Абхазия <...> свернула, наконец, знамя бунта и в чистосердечном раскаянии в своем безумии, дорого стоившем ей от междоусобного кровопролития, изъявила готовность покорствоваться священной воле всеавгустейшего монарха». Однако сопротивление иноземному владычеству продолжалось, приняв более скрытые формы. В окрестностях Сухумской крепости часто находили трупы солдат и матросов, убитых неведомо кем. Подобные акции нельзя объяснять этничес-

кой ненавистью; они были направлены не столько против русских, как таковых, а против российской военной администрации в Сухум-Кале. Например, в Бзыбской Абхазии, где в 1830 году был введен 44-й егерский полк, такие случаи не зафиксированы, так как командир полка А.Г.Пацовский, наладил хорошие отношения с местным населением, завоевав его доверие и уважение. По сообщению Торнау, «Значение, которое Пацовский умел приобрести в глазах абхазцев, отзывалось на всех русских. В Бзыбском округе <...> не было слышно о нападениях на наших солдат, ходивших поодиночке в самые дальние селения. Абхазцы встречались с ними как с добрыми знакомыми, детьми Пацовского, которого они любили». Между тем сухумский гарнизон пребывал в фактической блокаде. В январе 1830 года Паскевич пишет управляющему главным штабом, графу Чернышеву: «Несмотря на то, что крепостца Сухум-Кале и поныне занимается нашими войсками, но прочного и постоянного сухопутного сообщения по сему пространству, заключающему Абхазию, никогда не существовало и все сношения между Редут-Кале и Сухум-Кале производились, и поныне производятся, морем. Затруднительны переправы чрез многие речки, с сей стороны в море сливающиеся и непостоянным разливам подверженные, а более еще буйным и своевольным нравом абхазцев, <...> всегда готовых к нападению на малые команды русских войск».

ЗАПАДНЫЙ КАВКАЗ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ИСТОРИИ (1830–1853 гг.)

Турецкое правительство, долго не признававшее переход Абхазии под власть Российской империи, после поражения в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, вынуждено было смириться с этим фактом. 4-я статья Адрианопольского мирного договора (1829 г.) провозглашала переход в «вечное владение» России городов Ахалцихе и Ахалкалаки с прилегающими землями, а также Восточного Причерноморья от устья Кубани до пристани Святого Николая (южнее Поти) с находившимися здесь крепостями Анапа и Поти.

Таким образом, османцы уступили России не только Имерети, Мегрелию, Гурию и Абхазию, в той или иной форме уже входившие в состав Российской империи, но и территорию Северо-Западного Кавказа, которой фактически никогда не владели. Эта была обширная область (примерно 53000 кв.км) между рекой Кубань и Черным морем с политически раздробленным, но многочисленным населением, способным на серьезное военное сопротивление. Основная часть местных народов и территориально-племенных

групп принадлежала к адыго-абхазской этнической группе. Из них адыгскую (черкесскую) ветвь составляли *натухайцы* (*натхокуаджи*), *шапсуги*, *абадзехи*, *бжедухи*, *темиргоевцы* (*кемзуи*), *бесленеевцы*, *хатукаевцы*, *егерукаевцы*, *мамхегеи*, *махоши*, *закубанские кабардинцы* и др. Абхазо-абазинская ветвь была представлена *садзами* и *медовеевцами* (проживавшими в приморье и на южных скатах Кавказских гор) и племенными группами *тапанта* и *ашхарауа* (на северных скатах). Наконец, в бассейнах рек Сочи и Шахе проживали *убыхи* – третья ветвь адыго-абхазской общности.

Начало большой войны на Северо-Западном Кавказе.

«Приобретение от Турции Анапы и верховных прав на Закубанский край и все кавказское побережье Черного моря, – пишет Е.Г.Вейденбаум, – развязало, наконец, русскому правительству руки в отношении черкесских племен: явилась возможность принять меры к подчинению их нашей власти, не опасаясь протестов со стороны Порты». В России, однако, мало знали обитателей «унаследованных» от Турции земель, и поэтому Паскевич посчитал полезным издать прокламацию, чтобы новых «подданных» ввести в курс дела. По словам его биографа князя Щербатова: «В особо изданной к этим племенам прокламации фельдмаршал объявлял, что, признав крепости Анапу, Поти и Ахалцых и весь восточный берег Черного моря, от устья Кубани до крепости св. Николая, безусловным достоянием России, Порта торжественно, перед лицом целого света, отказалась на вечные времена от всех кавказских народов и признала их навсегда подданными Российской империи. “Доблестным племенам кавказским” возвещалось, что теперь восходит для них “новая заря благоденствия”. Но они мрачно взирали на эту зарю порядка и чуждой им гражданственности...». В глазах черкесов Адрианопольский трактат был простой бумажкой. Султана они уважали как халифа, главу правоверных, но не считали себя его поддан-

ными¹². Поэтому горцы не признали договор, заключенный за их спиной. Торнау передает их слова: «Мы и наши предки были совершенно независимы, <...> Султан нами не владел и потому не мог нас уступить». Он же пересказывает забавный ответ шапсугского старшины, которому генерал Н.Н.Раевский (по другим сведениям – генерал С.С.Малиновский) пытался объяснить, что султан подарил их русскому царю: «А! теперь понимаю, – отвечал шапсуг и показал ему птичку, сидевшую на ближнем дереве. – Генерал, дарю тебе эту птичку, возьми ее!».

Тем не менее, император Николай I считал Адрианопольский трактат законным основанием для покорения горских народов Западного Кавказа. Вдохновленный победами своих войск над Ираном и Турцией в 1828 и 1829 годах, он пишет графу Паскевичу: «Кончив, таким образом, одно славное дело, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз, гораздо важнейшее, – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Выполняя державную волю, Паскевич подтянул на Кавказскую линию полки, вернувшиеся из Азиатской Турции, и активизировал боевые действия. В октябре 1830 года фельдмаршал, лично возглавив крупный отряд, перешел на левый берег Кубани, сжег много аулов и имел столкновения с шапсугами. Однако, будучи опытным военачальником, он убедился, что подобные «поиски» можно рассматривать лишь как временные меры устрашения. Для окончательного покорения черкесов,

---

12. Показательно, что когда анапский паша Хаджи-Хасан Чечен-оглу в 1826 г. потребовал от ближайших к Анапе племен – натухайцев и шапсугов подчиниться султану и платить налоги на содержание турецкого гарнизона, адыгские старшины ответили, что они «приняли мусульманство по доброй воле» и не позволят, что кто-либо «почитал бы их завоеванными» и «требовал податей». Паша угрожал силой принудить их к покорности, но не рискнул осуществить свое намерение.

Паскевич занялся разработкой стратегических планов, рассчитанных на несколько лет¹³. По сообщению А.П.Щербатова, последние месяцы своего пребывания на Кавказе «фельдмаршала наиболее заботили горские народы, унаследованные нами от турок по Адрианопольскому договору». В своих теоретико-стратегических выкладках главнокомандующий намечает одновременные удары с разных направлений. В его планах важная роль отводилась Абхазии, как плацдарму для обеспечения наступательных действий с юга, хотя при этом многое зависело от политической обстановки в княжестве. По словам Щербатова: «Если успокоятся абхазы (разрядка наша. – Г.А.), то предполагалось предпринять большую экспедицию в горы (правого фланга) со стороны Абхазии и Анапы».

Паскевич разделил Кавказскую линию на 4 отдела, получившие названия: 1) Левый фланг, 2) Центр, 3) Правый фланг и 4) Черноморская кордонная линия. Правый фланг простирался от Верхней Кубани в районе выхода этой реки на плоскость до района впадения реки Лабы в Кубань. Но в данном контексте понятие «правый фланг» должно включать также и Черноморскую кордонную линию, которая располагалась западнее, и тянулась по правому берегу Кубани до Таманского полуострова. В 1856 г. при реорганизации военных отделов Северного Кавказа, Черноморская кордонная линия вошла в состав Правого фланга.

Лучшее знакомство с топографией Северо-Западного Кавказа, приобретенное в ходе боевых действий, убедило в

---

13. В рассматриваемое время планы по покорению кавказских горцев составляли многие военные и статские (гражданские) чины Российской империи. Предлагались как мирные, экономические способы привлечения горцев к России, так и меры военного характера, вплоть до самых фантастических, как, например, взрывать порохом кавказские горы. Понятно, что авторами подобных проектов были люди совершенно не знавшие Кавказа. Большинство военных склонялось к приоритету силового решения вопроса.

дальнейшем российское верховное главнокомандование в том, что стратегическое наступление здесь предпочтительнее вести не в меридиональном, а в широтном направлении, от верхнего течения Кубани к морю. Однако до самого конца войны на Кавказе, для русского командования Абхазия оставалась важным военным рубежом, прикрывающим Западное Закавказье, и одним из районов оснащения и базирования Черноморского флота.

Таким образом, к 1830 году народы Северо-Западного Кавказа оказались втянутыми в войну с Российской империей. До этого регион не был объектом прямых завоевательных устремлений России, хотя обоюдные набеги между закубанцами и русскими войсками и казаками были частым явлением. По сообщению Торнау: «Абречничество распространилось за Кубанью в то время, когда бежавшие кабардинцы, озлобленные покорением их земли, дали обет, пока живы, мстить русским. Скоро из разных мест молодые люди стали уходить к неприятелю, провозглашая себя абреками¹⁴, без другого повода кроме удалства и страсти к похождениям». Уже в 1810–1820-е годы мелкие стычки на Кубани происходили практически ежедневно. Современный российский историк К.В.Скиба применительно к Северо-Западному Кавказу ситуацию с конца 1790-х по 1829 год предлагает именовать «малой Кавказской войной», а с 1830-х годов – «большой Кавказской войной».

---

14. Абрек – так на Кавказе называли людей, изгнанных из общины, и ведущих скитальческий и разбойничий образ жизни. В годы Кавказской войны царские власти «абреками» именовали набегников на русские пределы (часто это были бывшие «мирные» горцы, перебежавшие к «непокорным»). После завоевания Кавказа термин «абрек» становится синонимом «благородного разбойника», или народного мстителя, ведущего вооруженную борьбу с произволом государственно-административной машины. Впрочем, действия абреков порой бывали неотличимы от обычного разбоя.

К началу 30-х годов XIX века на Кавказе оставались два очага горского сопротивления, которые по существу являлись самостоятельными театрами военных действий. 1) восточный – Чечня и Нагорный Дагестан, объединенные в рамках кавказского имамата, и 2) западный – зона расселения адыго-абхазских народов Северо-Западного Кавказа – западных адыгов, убыхов, садзов, горно-абхазских обществ и северокавказских абазин. Неоднократные попытки объединения антироссийских сил, не имели здесь решительного успеха, и каждый народ или общество в целом действовали автономно, хотя соблюдалась традиция приходить на помощь соседям.

Российское военное руководство в рассматриваемый период было весьма озабочено положением на западном театре войны, который в отличие от Дагестана и Чечни, со всех сторон окруженных российскими кордонами, имел открытый приморский фланг, откуда могло проникать, и проникало влияние соперничавших с Россией держав. Например, об этом пишет швейцарский ученый и путешественник Фредерик Дюбуа де Монперэ, посетивший Восточное Причерноморье в 1833 году: «...война России с Черкесией привлекла к себе взоры всех европейских стран, которые ревниво относились к усилению могущества России и успехам ее оружия на Востоке и Турции».

На прибрежной полосе между Анапой и Сухум-Кале длиной более 400 километров, вплоть до 1830 года русские не имели ни одной опорной точки. Турецкие купцы на легких парусниках свободно достигали кавказских берегов и доставляли горцам необходимые им товары (в том числе оружие, порох, свинец, железо), которые меняли на предметы местного производства и невольников¹⁵. Такая торговля прино-

---

15. Сходное положение было и южнее Сухумской крепости. Весной 1830 г. барон Аш отмечает в рапорте: «Во всех устоях рек в Абхазии, которых я видел, стоят кочермы турецкие для покупки кукурузы и людей».

сила купцам хорошие барыши. По свидетельствам современников, турецкий купец после трех-четырех рейсов на Кавказ становился состоятельным человеком. Вместе с торговцами на Кавказ проникали турецкие политические агенты и представители других держав, в первую очередь Англии, опасавшейся расширения России в южном направлении.

Русское правительство, полагая, что горцы не смогут долго сопротивляться без помощи турок, доставлявших им необходимые припасы, поначалу главное внимание обращали на прекращение береговой торговли. Уже в 1830 году черкесский берег был объявлен в блокадном положении и для наблюдения за ним учредили крейсерство боевых кораблей. Однако крупным килевым парусникам Черноморского флота, редко удавалось захватывать небольшие плоскодонные кочермы¹⁶, легко ходившие у самого берега, и укрывающиеся в устьях многочисленных рек, «...куда малым десантом нельзя было вдаваться, не подвергаясь опасности совершенного истребления, а большие десанты требуют огромных издержек и трудов, которых не стоит истребление контрабандного судна». Поэтому русское командование настоящей задачей считало быстрый захват приморской полосы и установление по ней сухопутного сообщения, чтобы отсечь от моря непокорных черкесов, как часто собирательно называли не только адыгов, но и другие горские народы Закубанья и Причерноморья.

«Абхазская экспедиция». Утверждение русского военного присутствия в Западной Абхазии. Для установление российского контроля над побережьем граф Паскевич разработал план т.н. «Абхазской экспедиции», утвержденный затем императором. По содержанию задач экспедиция делилась

---

16. Кочерма – легкое парусно-весельное судно, приспособленное для прибрежного плавания.

на два «периода» (этапа): 1)установление контроля над побережьем Абхазии и 2)занятие берега от Пицунды до Анапы для обеспечения прямого сухопутного сообщения между крепостями Поти и Анапа. Таким образом, войсками должна была быть занята не только приморская полоса Северо-Западного Кавказа от Гагры до Анапы, приобретенная Россией по Адрианопольскому миру, но и большая часть абхазского побережья, которое не контролировалось Россией, несмотря на то, что Абхазское княжество уже 20 лет как официально находилось в подданстве Российской империи. Кавказское начальство неоднократно обращало внимание на эту ситуацию в рапортах и реляциях, направляемых в Петербург. Ввиду того, что исполнение второго этапа экспедиции целиком зависело от успеха первого этапа, то, по мнению Паскевича, особого внимания требовало к себе утверждение русской власти в прибрежной Абхазией. Вопрос покорения горных районов переносился на другое время.

Проведение Абхазской экспедиции было возложено на генерал-майора К.Гессе, преемника Горчакова на посту управляющего Имеретией. Паскевич считал полезным привлечь абхазов к походу против непокорных горцев, что по его мнению должно было способствовать их сближению с русскими. Кроме того, знакомство абхазов с местностью облегчило бы достижение целей экспедиции. Русское командование тогда еще не имело представления о топографии Северо-восточного Причерноморья. Но если абхазов не удалось бы склонить к участию в походе, тогда следовало по крайней мере обеспечить их нейтралитет. Поэтому главнокомандующий предписывал Гессе всячески избегать стычек с местным населением. В этом вопросе власти рассчитывали также на содействие Хасанбея Чачба и других абхазских феодалов, считавшихся верными русскому

правительству. Впрочем, учитывая опыт недавнего прошлого, возможность столкновения с абхазами не исключалась, и Паскевич коротко информирует Гессе о вооружении и тактике ведения боя абхазским ополчением: «Вооружение абхазцев состоит из ружья, шашки и кинжала; многие сверх того носят сзади, за поясом, пистолет. Они меткие стрелки, дерутся наиболее пешие в лесах и пересекаемых местах, и всячески избегают открытых и ровных мест».

Обстановка в Абхазии между тем оставалась сложной. Среди населения упорно ходили слухи, распространяемые турецкими агентами, что сообщение об уступке султаном русскому царю прав на территории от Анаклии до Анапы не соответствует действительности и скоро здесь высадятся османские войска. Иные же говорили, что назначены будут по одному чиновнику со стороны русского и турецкого правительства, которые приедут в Абхазию и к черкесам для выяснения у народа, кому они желают принадлежать. Сухумский комендант доносил в апреле 1830 года, что «волнение между абазинцами еще продолжается, и они не прекращают своих неприятельских замыслов».

Особенно раздражало абхазов усиление морской блокады, нарушавшей торгово-экономические связи с Турцией. Вызвано это было приказом императора Николая I поступать с захваченными в Абхазии турецкими представителями как с бунтовщиками, а флоту, осматривать все турецкие суда и те, на которых обнаружатся военные припасы, брать в плен, как военную добычу.

В мае 1830 года Паскевич докладывает царю: «Абхазцы были спокойны, а теперь до трех тысяч находится их в сборе». Речь идет о сходе в селе Мерхеули в апреле 1830 года, где по разным данным от трех до пяти тысяч вооруженных абхазов готовили нападение на Сухумскую крепость. Но Таирбей Чач-

ба, дядя владетеля, уговорил их отложить выступление до возвращения Хасанбея, находившегося в Тифлисе. Многие послушались его и разъехались. Лишь радикально настроенные цебельдинцы, давшие клятву не покорятся русским, стали грабить деревни, воздержавшиеся от участия в сходе, а 21 апреля атаковали сухумский форштадт. Но момент был уже упущен. Власти успели принять меры и усилили сухумский гарнизон. Поэтому до всеобщего восстания дело не дошло, и Асланбей, прибывший в Абхазию, вскоре был вынужден навсегда покинуть родной край.

Не было согласия и среди господствующего класса. Гвардейского генерального штаба поручик барон Аш, который в сопровождении Хасанбея Чачба был секретно командирован в Абхазию для выяснения обстановки, 5 мая 1830 года докладывает управляющему штабом Отдельного Кавказского корпуса: «В Абхазии вообще происходят теперь большие междоусобия: народ разделен на две партии. Бзыбское общество с владетелем отделилось от прочих, а противная оной, состоящая из Абживского общества, к которой присоединились цебельдинцы, находятся под началом Али-бея <...> Между князьями в Абхазии нет никакого единства – все они тайным образом враждуют друг против друга. Владетель и князь Гассан-бей (Хасанбей. – Г.А.) живут также между собой в несогласии и, увлекаясь пустым самолюбием, первый, как владетель, не хочет слушать советов Гассан-бея, а последний, как дядя его, и будучи важнейший из князей в Абхазии по происхождению своему, считает унижительным повиноваться младшему, имеющему менее его влияния на народ, и раздоры сии есть главнейшие причины всех беспокойств в Абхазии».

Население Абхазии, осведомленное о готовящемся вводе русских войск, но не знавшее с какой целью это делается,

было обеспокоенно. Деревни на пути Аша и Хасанбея были пусты, их жители укрывались в горах, опасаясь бедствий войны. Алибей Чачба и цебельдинские князья, встретившись с русским офицером, попросили его довести до сведения начальства, что если войско придет в Абхазию, они встретят его с миром, при условии, что их собственность не пострадает и каждому оставят те земли и селения, коими владели отцы, без всякого различия старшинства между ними.

При царившем тогда в Абхазии разладе, никто из князей не мог поручиться за спокойствие во всей стране при вступлении русских войск. Алибей, владелец Абжуйского удела, и гумский владелец Хасанбей объявили, что они ручаются за спокойствие только подвластных им обществ. Владетельный князь Михаил не мог удостоверить в покорности даже своего Бзыпское общества, «где слабое влияние его не в состоянии обуздать буйный и своевольный народ». Кавказскому начальству было известно, что владетель Михаил действительно не имеет влияния на народ и даже в собственном своем уделе «пользуется едва наружным уважением».

Впрочем, русские и без владетеля нашли влиятельных союзников в Бзыбской Абхазии. Так, например, барон Аш пишет о своей встрече с Кац Мааном (или «Маргани», как он передает его фамилию). Как помним, Кац Маан (Маргания) был участник антирусского восстания и один из руководителей осады Лыхненского дворца в 1824 году. Но в 1830 году он заявил Ашу о своей преданности русским и готовности служить государю императору. Барон Аш, будучи информирован о личном влиянии и авторитете этого человека, с должным вниманием отнесся к его словам и в своем рапорте полковнику Гасфорту отмечает, что «не лишне было бы приласкать его заблаговременно». (Тут уместно привести слова Филип-

сона¹⁷, сказанные о Кац Маане: «по уму, отчаянной храбрости и твердому характеру, [он] имел огромное значение не только в Абхазии, но и у соседних, немирных горских племен».)

Для полноты картины Абхазии начала 1830-х годов, добавим, что беспокойно было и в Самурзаканском округе, которую, как отмечалось, пытался подчинить себе мегрельский владетель Леван Дадиани, однако столкнувшись с оппозицией самурзаканских князей и дворян, он не смог преодолеть их сопротивление и обратился за помощью к русскому начальству «для усмирения той страны и наказания самих возмутителей». В июне 1831 года в округ был введен отряд регулярных войск во главе с подполковником Гедримовичем. Однако предвидя осложнения после ухода русских, Леван V попросил барона Розена, преемника Паскевича на Кавказе, оставить в «Самурзаканской стране» войска на постоянной основе. Видимо, создание опорного пункта на юго-восточной окраине Абхазии совпадало с планами главнокомандующего, поэтому просьба была удовлетворена; войска остались, а для их размещения в 1832 году было выстроено небольшое укрепление в местности *Атангело*.

К концу июня 1830 года в Редут-Кале было завершено сосредоточение наземных сил и кораблей, выделенных для Абхазской экспедиции. Отряд, вверенный генералу Гессе, насчитывал около 2400 штыков и сабель при 6 орудий и 2-х мор-

---

17. Филипсон Г.И. (1809–1883) – русский офицер, генерал-лейтенант (1857), сенатор (1861), генерал от инфантерии (1880). В 1835 г. был переведен на Кавказ, где служил в отдельном Кавказском корпусе, в штабе войск Кавказской линии и Черномории. В 1855 г. был назначен наказным атаманом Черноморского казачьего войска, в 1858 г. — командующим войсками Правого фланга Кавказской линии, а в 1860 г. — начальником штаба Кавказской армии. В последние годы жизни писал автобиографическую книгу «Воспоминания», рассказывающую о событиях Кавказской войны, который успел довести только до 1847 г. В книге много сведений о народах Западного Кавказа.

тирок. Основу этих сил составляли батальоны 44-го егерского полка, штаб-квартиру которого намечалось перенести из Мегрелии в Западную Абхазию, поближе к резиденции абхазского владетеля, чтобы поддержать его господство над народом. Пехоту и тяжелое снаряжение, включая артиллерийские орудия, решено было перевезти морем в Сухум-Кале, а состоящие при отряде лошади (676 голов) под прикрытием сотни донских казаков и тех абхазских князей, верность которых к русскому правительству считалась испытанной временем, отправили сухим путем. Князья обязаны были встречать и провожать коней и казаков, каждый через свое владение.

Русская эскадра, отплывшая из Редут-Кале 1 июля, 3-го числа вошла в Сухумскую бухту, войска высадились на берег и расположились лагерем между крепостью и рекой *Басла*. Здесь генерал Гессе получил известие, что в связи с прибытием экспедиционного отряда волнения в абхазском народе усилились. Бзыпские князья и дворяне отправили гонцов к садзам и убыхам с просьбой о помощи против русских.

Гессе в такой ситуации посчитал невозможным прямо приступить к водворению 44-го егерского полка в Лыхны, а решил сначала занять узкий гагрский проход, названный Паскевичем «Кавказскими Фермопилами», чтобы перекрыть горцам удобный путь для проникновения в Абхазию. Для этого морем было отправлено к Гаграм 650 (по другим данным – 800) солдат с двумя орудиями, которые утром 8-го июля высадились в приморское дефиле близ развалин древнего «монастыря», окруженного каменной стеной, и заняли его, пока Гессе с остальной частью отряда двигался морским берегом, чтобы занять Лыхны и Пицунду.

Подступившие к Гаграм садзы с ходу атаковали позиции русского батальона, чтобы сбросить его в море, но картечный огонь с кораблей Черноморской эскадры, расстроил их план.

Бзыпское приморье до Пицунды войска заняли без выстрела, хотя часть местных феодалов во главе с кланом Инал-ипа, не хотела пропускать русских через свои земли. Но отсутствие единства по этому вопросу среди абхазской знати, и невозможность получить помощь от союзников – убыхов и садзов, занятых Гагрой, сделали сопротивление нереальным. К тому же Гессе при содействии Михаила и Хасанбея Чачба, и некоторых других лиц, вступил в переговоры с оппозицией. И дело разрешилось миром, после того, как генерал пообещал амнистию за прошлые деяния и гарантировал, что «имения их, по занятии Абхазии нашими войсками, останутся по прежнему их собственностью».

Этим актом фактически завершилась Абхазская экспедиция. Для такой амбициозной задачи, как оккупация в течение одной летней кампании всего черноморского побережья до Анапы, возможности группировки, выделенной Гессе, были явно недостаточны. Это стало ясно уже в ходе первого этапа экспедиции. В рапорте генерал-майора Гессе фельдмаршалу Паскевичу от 12 июля 1830 года говорится о сложности продолжения наступления севернее Гагры. Кроме того, «спокойствие абхазского народа при вступлении ныне войск наших зависит собственно только от того, что прибытие отряда они ожидали гораздо в больших силах, то есть на второй период экспедиции сей отряд уменьшится, что не укроется от прозорливости здешних жителей, тогда весьма легко может последовать возмущение, к чему <...> абхазцы склонны, не скрывая сего и теперь; сверх того как пространство от Редут-кале до Сухума остается по-прежнему незанятым, то и цебельдинцы не останутся без действия при уменьшении отряда».

Тем не менее, бескровная Абхазская экспедиция значительно упрочила русское влияние в Княжестве. Правительственные войска закрепились в стратегически важном Гагрском

проходе, несмотря на постоянное давление со стороны садзов, убыхов и шапсугов. Построенный здесь форт мыслился как преграда, способная отделить Абхазию от независимых горцев. Комментируя в письме к графу Чернышеву значение этого пункта, фельдмаршал Паскевич писал: «Занятием узкого прохода у Гагры, единственного верхового проезда из Абхазии к черкесам, мы отнимаем у черкесов все средства подавать беспокойным бзыбцам помощь, по крайней мере значительными силами».

В результате экспедиции Гессе в Западной Абхазии появились также укрепления *Бамбора* и *Пицунда*. Первое из них было основано на равнине между морем и Лыхненской резиденцией владельца, там, где в 1824 году произошел бой между русским десантом и абхазскими повстанцами. Второе укрепление возникло у древнего Пицундского храма, причем строители использовали в качестве крепостной стены церковную каменную ограду, усилив ее по углам деревянными башнями. В Бамборском укреплении находился штаб 44-го егерского полка и все главные заведения и склады для войск, занимавших Абхазию. Здесь же жил командир части, полковник (впоследствии – генерал-майор) А.Г.Пацовский, человек умный и опытный, по оценкам людей, хорошо знавших его. «Абхазцев он умел привлечь к себе и овладеть их доверием, – пишет барон Торнау, – приноравливаясь к их понятиям и не нарушая ни в коем случае данного слова <...>. Они верили ему безотчетно и приезжали к нему издалека за советом и помощью. В подобных случаях он помогал им часто своими собственными деньгами, не заботясь будут ли они ему возвращены правительством. Пильная мельница на *Мицше* служила одним из главных способов сближения абхазцев со своими русскими соседями. До Пацовского абхазцы не видывали пильной мельницы и делали доски с руки пилой

и топором или получали их морем от турок. Мало-помалу они стали приезжать на Мцышу выменивать и выпрашивать доски у Пацовского, которые он им давал под разными условиями, имевшими в предмете выгоды полкового устройства. Сношения завязались, и скоро возникла из них некоторая зависимость абхазцев от русского изделия».

Для сообщения трех русских укреплений, расположенных в Западной Абхазии – Бамборы, Пицунды и Гагры – с Сухумской крепостью были учреждены промежуточные посты¹⁸ из небольших конных и пеших команд, в помощь которым абхазский владетель, окончательно перебравшийся в Лыхны, выделил конные группы. Кроме того, при укреплениях постоянно находились по одному военному судну Черноморского флота.

Таким образом, первый этап Абхазской экспедиции ознаменовался утверждением русской военной власти на побережье Бзыбской Абхазии, где до этого русские войска появлялись лишь спорадически, в ходе боевых действий. Кроме того, уже сам замысел подобной экспедиции, отчетливо показал связь между Абхазией и западным театром русско-горской войны. Отныне вплоть до 1864 года практически все военные эпизоды в абхазской истории в той или иной мере были связаны с событиями на Северо-Западном Кавказе (в Северо-Восточном Причерноморье и Закубанье).

Война в Северо-Восточном Причерноморье. Спустя год после Абхазской экспедиции, русское командование приступило к захвату береговой полосы уже с северной стороны. В конце июля 1831 года 5-тысячный десант под командованием генерала Берхмана, высадился в Геленджикской бухте

---

18. В то время на Кавказе такие посты представляли собой небольшие укрепления с запертыми воротами, через которые можно было выходить только с разрешения начальства. Сообщения между постами происходило под воинским прикрытием.

и закрепился там, несмотря на упорное сопротивление натухайцев и шапсугов. Вскоре на захваченном берегу возвели укрепление, хотя горцы продолжали постоянно беспокоить отряд военных строителей. Однако, как пишет Ф.Ф.Торнау, «До занятия Гагр и Геленджика мы не имели точного понятия об ожидавшем нас сопротивлении, о дурном климате и о других затруднениях, с которым приходилось бороться нашим войскам на черкесском берегу. Опыт, которым мы обогатились в этих случаях, заставил приостановить дальнейшие действия на берегу Черного моря до того времени, когда окажется возможность подготовить все средства, необходимые к отстранению замеченных неудобств».

Была и другая причина, из-за которой верховное главнокомандование приостановило наступательные действия на западном театре Кавказской войны. На Северо-Восточном Кавказе, в горах Дагестана и Чечни около 1829 года был провозглашен имамом Гази-Магомед, ученый-богослов и воин. После нескольких столкновений с русскими войсками в нагорной полосе, он в 1831 году со значительными силами устремился на равнины, атаковал несколько укреплений и осадил город Дербент. Затем после 8-дневной безрезультатной осады, имам стремительным маршем двинулся на Север и 1 ноября взял и разорил один из важнейших российских центров Северного Кавказа – город Кизляр. Теперь уже основное внимание верховного главнокомандования было приковано к Восточному театру войны. Ударные силы отдельного Кавказского корпуса были стянуты в Дагестан. Под напором превосходящих сил, «мюриды» отошли в горы. В октябре 1832 года командующий войсками Кавказской линии, генерал-лейтенант Вельяминов с 8-тысячным отрядом осадил аул *Гимры*, где находился Гази-Магомед со своими сподвижниками, и взял его штурмом. Имам пал в бою с оружием в руках. Сре-

ди немногих, кто смог вырваться из окружения и уйти, был сильно израненный Шамиль.

Громкая победа над мюридами, как казалось тогда высшей российской власти, навсегда закрыла эту проблему, поэтому в центре внимания опять оказался Северо-Западный Кавказ. «В продолжении шести лет, – пишет Р.А.Фадеев, – с 1832 по 1839 год, главные силы Кавказского корпуса, до тех пор действовавшие на восточном Кавказе, были исключительно обращены против западных гор, со стороны Кубани и Черного моря».

В 1834 году вышел приказ о возобновлении действий с целью установления контроля над прибрежной линией; были развернуты два отряда войск – Северный и Южный – для действий с противоположных сторон – с Кубани и из Абхазии. С морского фланга поддержку сухопутным силам оказывали корабли Черноморского флота. В 1834–1837 годах с большим трудом была построена военная дорога, связавшая Геленджик с территорией *Черноморского казачьего войска*¹⁹. Два промежуточных форта, сооруженных для защиты этой дороги, составили основу *Геленджикской кордонной линии*, которая помимо обеспечения сухопутной связи с приморьем, была призвана также отделить земли натухайцев от шапсугов и других адыгских народов. Однако продвижение царских войск в черкесские пределы, вызвало неожиданную для русского командования консолидацию разрозненных горцев. «До занятия русскими войсками северо-восточного берега Черного

---

19. Черноморское казачье войско – образовано в 1787 году в Северном Причерноморье из бывших запорожцев, оставшихся верными Российской империи. В 1792–1793 гг. с целью закрепления новоприобретенных территорий на Северном Кавказе, русское правительство переселило черноморских казаков на правобережье Кубани с центром в крепости Екатеринодар (ныне – город Краснодар). В середине XIX в. Черноморское казачье войско насчитывало 200 тыс. чел. В 1860 г. вошло в состав Кубанского казачьего войска.

моря, – говорится в официальном источнике, – некоторые общества, казалось, близки были к совершенному распадению от внутренних раздоров и кровопролитий, но пришествие наше погасило в них вражду, и вдруг, по решимости необъяснимой в неблагоустроенном народе, все племена черкесские и убыхи, заселяющие прибрежный край, поклялись прекратить междоусобия, единодушно соединить силы для сопротивления нашему оружию». Постепенно здесь сложились две конфедерации, имевшие одну цель – отстоять свою независимость. Натухайцы заключили союз с абадзехами и шапсугами, жившими севернее Кавказских гор. Второй союз составили прибрежные шапсуги и убыхи, к которому примкнули западноабхазские территориально-племенные группы – садзы и медовеевцы. Лидерами этого объединения были убыхи.

Поэтому несмотря на прилагаемые российским командованием усилия и рост численности правительственных войск на Кавказе (в 1829 году около 133 тыс. человек, в 1830-м – до 142 тыс., в 1837-м – 154 тыс.), попытки сломить сопротивление черкесов, натолкнулись на серьезные препятствия. Военный министр Чернышев в 1840 году был вынужден констатировать: «Многолетние действия силой оружия против непокорных черкесских племен, <...> при всех возможных успехах в частности, ни малейшего не имели влияния на общее успокоение края».

Усиление русского военного присутствия в Восточной Абхазии. С активизацией боевых действий на Северо-Западном Кавказе совпадает дальнейшее наращивание русского военного присутствия в Абхазии, что, конечно, не было случайным явлением. Развивая военную инфраструктуру русские власти соорудили стратегическую дорогу в равнинной полосе и вдоль моря от укрепления Атангело до Бамборы, получившую название *Военно-Абхазская дорога*. Восточнее Атангело

она соединялась с *Военно-Имеретинской дорогой*, связывающей черноморские порты, Поти и Редут-Кале, с административным центром Кавказского края – Тифлисом. Для защиты восточного участка Военно-Абхазской дороги (между Атангело и Сухумской крепостью) в 1834–1835 годах были основаны укрепления *Драндское* и *Илорское* и устроено несколько казачьих постов. Однако несмотря на усиление присутствия войск, разрозненное сопротивление новому порядку не прекращалось. В Восточной Абхазии расширяется абреческое движение, принявшее форму партизанской войны. «В народе заметна была сильная неприязнь к русским войскам, – читаем в истории Михайловского крепостного батальона. – Ходили довольно упорные слухи, что мятежное население готовится напасть на наши разъединенные укрепления, причем самурзаканцы атакуют укрепление Илори, а цебельдинцы – Дранды. Мелкие дерзкие нападения абхазцев на команды нашего батальона стали учащаться». Властям сложно было бороться с такими актами. «В Абхазии, как и во многих других местах Кавказа, – отмечает Торнау, – видя перед собой горцев, редко можно было знать наверное, друзья ли они или неприятели». Поэтому в таких случаях, называвшихся шалостями, военные власти не находили виновных и обычно все сваливалось на выходцах из горных районов Абхазии, неподконтрольной российской администрации, – Цебельды, Псху, Ахчипсы.

В разгар борьбы за черкесское побережье, в конце 1836 года, русское командование, после бесплодных переговоров с цебельдинскими князьями о добровольном подчинении, решило силой оружия покорить эту горную область, нависающую над стратегической дорогой к театру военных действий. По словам барона Торнау, «Малочисленная Цебельда, состоявшая, по нашим тогдашним сведениям, не более как из восьмисот или тысячи семейств, служила неприятной помехой

для наших дел в Абхазии. Для усмирения ее силой, надо было пожертвовать временем и частью войск, которые, казалось, полезнее было употребить на работы, имевшие предметом скорейшее устройство Береговой линии, обещавшей, как тогда полагали, отнять у горцев все способы сопротивления».

В начале мая 1837 года отряд войск силой до 8 тысяч человек (включая грузинскую и абхазскую милицию) при 22 орудиях, под личным начальством генерал-адъютанта барона Розена вступил в Цебельду, встретив лишь незначительное сопротивление, и заставил некоторых князей Маршан принести присягу на верноподданство императора и выдать *аманатов* (заложников). В Цебельде был назначен русский *военный пристав* с шестью казаками, обязанный наблюдать и контролировать обстановку.

Приставская система управления на Кавказе, введенная на рубеже XVIII–XIX веков, до 1857 года являлась основной административной структурой в районах боевых действий с горцами. Для управления покоренными аулами создавались особые административные единицы, *военные приставства*, которыми управляли приставы – русские армейские офицеры или горцы, зарекомендовавшие себя своей преданностью царизму. Последних посылали к «племенам, более прочих известных своеволием и дикостью нравов». Приставы осуществляли общий контроль за ситуацией и в случае необходимости собирали под своим командованием местное ополчение (милицию). За населением приставства сохранялось право жить по своим законам и обычаям.

Розену не удалось проникнуть глубже в абхазские горы. Вернувшись в Сухумскую крепость, он отправил половину экспедиционных сил на кораблях в Джигетию, на мыс Адлер, где был высажен десант, а остальных сухим путем отправил в Бамборское укрепление. А в прибрежье и предгорьях Вос-

точной Абхазии в конце 30-х – начале 40-х годов появились новые форты-укрепления и укрепленные посты.

Положение в Самурзаканской Абхазии. Продолжался кризис и в Самурзаканском округе, права на который Российское правительство в 1832 году передало владельцу Мегрелии, как награду за верность престолу. В предписании барона Розена генерал-лейтенанту князю Багратиону, направленному в Абхазию с целью войти «в ближайшее сношение» с абхазскими князьями, отмечается: «Если бы некоторые князья изъявили желание об обратном присоединении к Абхазии Самурзаканского владения, то решительно объявите, что сие невозможно, ибо оно упрочено навсегда владельцу Мингрелии за постоянную верность и преданность российскому правительству, между тем, как в Абхазии неоднократно возникали беспокойства». Впрочем, самурзаканские феодалы не были согласны с таким решением. Начались их набеги на Мегрелию.

Михаил Шервашидзе, считавший Самурзаканский округ нераздельной частью Абхазии, внимательно следил за происходящими событиями. Весной 1834 года он перешел Галидзгу с целью заставить жителей самурзаканского приграничья присягнуть ему на верность, но барон Розен резко отреагировал на такое самоуправство владельца. «Таковое действие в[вашей] св[етлости] служит к умножению происходящих в Абхазии беспорядков», – написал он Михаилу и потребовал незамедлительно отступить за Галидзгу.

Несмотря на резкую реакцию кавказского начальства, Михаил не собирался отказываться от спорных земель. 3 сентября 1836 года барон Розен сообщает в Петербург: «Беспорядки стали приметно умножатся в Абхазии и между жителями Самурзаканского округа, принадлежащего владельцу Мегрелии, которых тайно поощряли к тому злонамеренные абхазцы». Распространившийся в сентябре 1836 года слух о том, что Ми-

хаил Шервашидзе готовит вторжение в спорный округ вместе с враждебными России джигетами и цебельдинцами, вызвал серьезную тревогу у русской администрации. Егерский батальон, расположенный в Илорском укреплении, был усилен двумя пехотными ротами; еще три роты оставили в резерве на случай осложнения обстановки. Леван Дадиани также выдвинул отряд в 500 милиционеров во главе со своим сыном Давидом.

Постоянные распри вокруг Самурзаканского округа дали повод генералу Головину (в 1837–1842 годах командир Отдельного Кавказского корпуса и главноуправляющий гражданской частью на Кавказе) в 1840 году отобрать округ у владельца Мегрелии и ввести там автономное управление во главе с военным приставом, получившим впоследствии права уездного начальника. Левану Дадиани в виде компенсации выдали единовременное вознаграждение в 25 тысяч рублей и оставили ему семь самурзаканских селений, к большому неудовольствию Михаила Шервашидзе.

Как отдельная административно-территориальная единица в системе российских владений на Кавказе, Самурзаканский округ обзавелся своей милицией, созданной на основе феодального ополчения. Командовал ею пристав – русский офицер, помощником (заместителем) которого состоял один из самурзаканских князей. Пять сотенных командиров, десять их помощников и двадцать урядников также назначались из местных князей и дворян. Рядовые милиционеры рекрутировались как из представителей знати, так и непривileгированного сословия.

Таким образом, Самурзаканский округ превратился в самоуправляемый анклав под прямым российским контролем между автономными княжествами Мегрелией и Абхазией. Самурзаканская знать вначале положительно восприняла эту перемену. Ее милиция отличилась при «усмирении» Дала в

1840–1841 годах, «...будучи всегда впереди и встречая везде первые огонь неприятельский», но вскоре наступает охлаждение отношений. Источники конца 40-х годов говорят о «смутах и беспорядках» в Самурзаканском приставстве. Несмотря на энергичные меры, принимаемые против возмутителей спокойствия, мало кого из них удавалось привлечь к ответственности, так как они «свободно уходили вглубь Абхазии, не входившей тогда в состав русского управления».

Михаил (Хамутбей) Чачба-Шервашидзе. Усиление русских позиций в Абхазии укрепило и положение владельца Михаила, который с 1830 года уже прочно обосновался в стране. С другой стороны, его возросший авторитет, качества правителя и личные связи с горской аристократией, во многом помогали русским в таком сложном для них регионе, как Северо-Западный Кавказ – западный театр русско-горской войны.

Михаил был для своего времени образованным человеком, которому, по отзывам современников, не были чужды высокие идеалы. Кроме родного абхазского языка он владел также грузинским, убыхским, черкесским, русским, турецким языками. Еще в 1867 году в полузаброшенном очамчирском дворце владельца можно было видеть остатки его библиотеки с книгами и журналами на русском, французском и итальянском языках. Из массы литературы особенно выделялись работы по военной тематике – жизнеописания Наполеона и Суворова, история походов 1812 года, книга о полевом строе и др. «Все они были тщательно переплетены, полны и, нет сомнения, что, по крайней мере, в то время, когда еще князь почитывал книги, занимали его больше, чем все другие».

Последний владелец Абхазии обладал качествами, высоко ценившимися на Кавказе: не боялся опасностей, хорошо стрелял, был ловкий наездник, славился широким гостеприимством, прекрасно разобрался в тонкостях сложнейше-

го адыго-абхазского этикета. Михаил, или Хамутбей, как он был известен среди горцев, являлся воспитанником знаменитого убыхского предводителя Хаджи Исмаила Дагомукко из знатного рода *Берзек*, которого современник назвал «черкесским Вашингтоном», и пользовался особым расположением убыхов – непримиримых противников России. Впоследствии, воюя с убыхами как подданный российской империи, Михаил Чачба ухитрялся сохранять с ними связи, оказывая при необходимости посильную помощь. По сведениям русских документальных источников, «Князь Михаил <...> не только позволяет абхазцам снабжать продовольствием <...> убыхов, но и допускает вымен на кукурузу невольников и даже учредил в пользу убыхов особый налог (по 5 кошелок с дымом), который взыскивается с жителей с крайней строгостью».

Абхазский владетель был весьма близок и с высшей грузинской знатью. Его мать – княгиня Тамара была сестрой мегрельского владетеля Григола и теткой Левана V, а жена – княгиня Александра (Цуцу) – внучкой Николая Дадиани (Большого Нико). Сохранились письма Михаила на грузинском языке, адресованные княгине Александре и чинам кавказской администрации в Тифлисе и Кутаиси.

Михаил Шервашидзе (как его отец и старший брат Дмитрий) владетельные права получил от русских, и как ставленник России, имевший высокое звание генерал-адъютанта и чин генерал-лейтенанта, всегда признавал верховную власть императора. Однако он это делал без особого энтузиазма и подобострастия по отношению к представителям царской администрации. Кавказское начальство видело все это, но до определенной поры не трогало Михаила, опасаясь сложных последствий. Ведь, как писал один из русских офицеров: «кн. Михаил Шарвашидзе пользовался громкою репутациею, как единственный человек, в котором соединены все усло-

вия для противодействия враждебным замыслам черкесских племен и для сохранения порядка в Абхазии».

Вместе с тем, по сообщениям источников, Михаил отличался честолюбивым нравом и «не был разборчив на средства к достижению своих, не всегда благовидных, целей». Внутри Абхазии он укреплял свою власть крутыми мерами, беспощадно расправляясь с недругами. «Пускались в ход кинжал и яд, и жертва, один раз обреченная, никуда не могла укрыться от преследования», – пишет русский чиновник К.Бороздин. Против сильных вассалов, способных на вооруженный отпор, Михаил использовал даже отряды враждебных России убыхов, сам оставаясь в тени, «...и этой системой дошел до того, что в настоящее время нет князя, который был бы в состоянии поднять голос против деспотизма владетеля».

Создание Черноморской береговой линии и события в Джигетии. Русская армия и флот продолжали операции с целью захвата приморской полосы Северо-Западного Кавказа, но продвижение севернее Гагры шло с большим трудом. В 1837 году, после посещения Кавказа императором Николаем I, проплывшем на пароходе вдоль восточных берегов Черного моря от Геленджика до Поти, военные усилия были сконцентрированы и значительно возросли. В 1837–1839 годах с большими жертвами удалось захватить несколько клочков суши между Геленджиком и Гагрой, и построить там укрепления (в том числе на джигетском берегу форты *Святого Духа*²⁰ и *Александрия*²¹), которые в 1839 году вместе с ра-

---

20. Укрепление Святого Духа было основано в 1837 г. на месте современного Адлера.

21. Форт Александрия основанный на месте современного города Сочи в 1838 г., вскоре был переименован в Навагинское укрепление. В 1864 г. поселение, возникшее близ бывшего укрепления, получило название – пост (затем – посад) *Даховский*, и только в 1896 г. официально было признано народное название *Сочи*, по имени абхазо-убыхского общества *Сача*.

нее основанными укреплениями на территории Абхазского княжества были сведены в *Черноморскую береговую линию* (не путать с Черноморской кордонной линией!), которая представляла собой цепь военных форпостов на кавказском берегу, построенных с целью закрыть горцам выходы к морю и нарушить их связи с Турцией.

Черноморская береговая линия включала три крепости: Анапу, Новороссийск и Сухум-Кале, а также около двух десятков сравнительно небольших укреплений – фортов и редутов. В военно-административном отношении линия делилась на несколько отделений. Укрепленные пункты, расположенные от форта Навагинского (Сочи) до Илорского поста, составляли третье отделение береговой линии. В целом же береговая линия находилась в ведении особого военачальника со штаб-квартирой в Керчи, который подчинялся командиру Отдельного Кавказского корпуса. Помимо линейной пехоты²² и артиллерии, рассредоточенных по укрепленным пунктам, а также известного количества подвижных войск, в распоряжении начальника береговой линии находилась гребная флотилия *Азовского казачьего войска*²³. С моря линию поддерживала крейсерская эскадра Черноморского флота, базировавшаяся на Новороссийск и Сухум-Кале.

---

22. Начало т.н. линейным войскам на Кавказе было положено в 1829–1830 гг., когда гарнизонные полки и батальоны Отдельного Кавказского корпуса, расположенные на Кавказской линии и в некоторых других местах, были обращены в линейные батальоны. С образованием Черноморской береговой линии для укрепленных пунктов по восточному берегу Черного моря были сформированы специальные черноморские линейные батальоны 4-х ротного состава, насчитывавшие по штату более 1000 солдат и офицеров.

23. Азовское казачье войско было образовано из потомков запорожцев, переселившихся в Турцию после уничтожения Запорожской Сечи в 1775 г. и возвратившихся в русское подданство в 1828 г. Казаков поселили на северном побережье Азовского моря. В их обязанности входило наблюдение за восточным берегом Черного моря с помощью вооруженной флотилии из мелких судов.

Возведение береговой линии не изменило кардинальным образом военную обстановку в Причерноморье, хотя вместе с морской блокадой осложнило горцам использование приморских земель и в известной мере расстроило торговые связи с Турцией. При этом территория, контролируемая укреплениями, в целом была ничтожна. По свидетельству официального источника, русское оружие не проникало в горы «далее пушечного выстрела от занятых укреплениями пунктов». Поэтому во многом справедливо замечание Торнау, что именно горцы держали гарнизоны в постоянной блокаде, а не наоборот.

Гарнизоны укреплений связь с внешним миром поддерживали только морем; чуть ли не каждый выход за ворота, чтобы нарубить дров, накосить сена или похоронить умерших, сопровождался вооруженными стычками и потерями. Горцы держали укрепления под постоянным наблюдением, часто подползали к стенам и в упор убивали часовых.

Тяжелое положение защитников укреплений береговой линии иллюстрирует письмо известного русского писателя Александра Бестужева-Марлинского, переведенного на Кавказ простым солдатом в связи с участием в деле декабристов и служившего в Гагрском гарнизоне: «Есть на берегу Черного моря, в Абхазии, впадина между огромных гор. Туда не залетает ветер; жар там от раскаленных скал нестерпим, и, к довершению удовольствий, ручей пересыхает и превращается в зловонную лужу. В этом ущелье построена крепостишка, в которую враги бьют со всех высот в окошки; где лихорадки свирепствуют до того, что полтора комплекта в год умирает из гарнизона, а остальные не иначе выходят оттуда, как с смертоносными обструкциями или водянкою».

Наступление русских войск и строительство укреплений на Джигетском берегу подтолкнуло местное население к объединению сил для защиты от внешнего врага. В анонимном

сочинении «О Гагре и джигетах», приписываемом Соломону Званба²⁴, читаем: «Между <...> обществами, живущими по долине Мдзымты, прежде часто была вражда; они часто нападали друг на друга и делали разбой. В 1837 году, когда заняли Адлер, убыхи и джигеты соединились взаимною присягою и с тех пор всякая вражда прекратилась. Присяга эта возобновляется ежегодно, и при этом берут штрафы с тех, которые имеют тайные сношения с русскими. Они часто ездят друг к другу, а иногда выходцы из одного общества селятся на земле другого. Все они имеют связи родственные и дружеские со своими западными соседями, черкесами. Связи жителей Ахчипсоу (Ахчипсы. – Г.А.) с убыхами теснее, нежели у других».

Весной 1840 года прибрежные племена, сплоченные в союз Хаджи Исмаилом Берзекком, обрушились на форты береговой линии, три из которых были взяты штурмом, а находившиеся в них войска – перебиты. Тогда же черкесы разгромили одно из ключевых укреплений Геленджикской кордонной линии, из-за чего пришлось забросить стратегическую дорогу к морю. Русские войска вернулись туда лишь спустя 21 год. Однако в Причерноморье командование береговой линии вскоре сумело восстановить позиции. Учли и прежние недочеты: форты укрепили дополнительными сооружениями и усилили их гарнизоны.

---

24. Званба С.Т. (1809-1855) – первый абхазский ученый-этнограф, офицер русской армии, подполковник (1848). Выходец из небогатой дворянской семьи Соломон Званба получил военное образование. Затем служил в войсках береговой линии, участвовал в боевых действиях против горцев, вел с ними переговоры, строил дороги, был джигетским приставом. Параллельно с военной карьерой интересовался науками, изучал историю, культуру и быт абхазского народа. Свои статьи с 1852 г. публиковал в газете «Кавказ». Некоторые его них вскоре после выхода в свет были переведены на немецкий язык. Погиб 25 октября 1855 г. в Ингурском сражении с турками, в котором предводитель им 11-й черноморский батальон принял на себя главный удар противника.

В боях на побережье участвовали и абхазы, особенно, садзы и медовеевцы, независимые как от абхазского владетеля, так и от Российской империи в целом. В журнале военных действий русского отряда, находившегося летом 1837 года на Адлерском мысу, отмечается, что среди погибших горцев много было «людей почетных, что <...> можно заключить по платьям и оружию убитых». Позже выяснилось, что были убиты Юсуф Аредба, двое Берзеков, Чуа и Анчабадзе (Ачба), «все из важных фамилий и имеющие влияние в народе». В то же время в составе русских войск активно выступали кавказские ополченцы. В процитированном документе также читаем: «в особенности отличилась абхазская милиция, <...> храбрость и неустрашимость мингрельского ополчения, имеретинской и гурийской дружин также достойны похвалы». Таким образом, абхазы сражались на обеих сторонах конфликта.

Нередко Михаил Шервашидзе лично возглавлял нападения на враждебные России общества. Как явствует из донесения главнокомандующего на Кавказе, генерал-адъютанта Головина, военному министру Чернышеву от 12 апреля 1839 года, владетель на семи галерах, имея в подмогу две вооруженные лодки азовских казаков, ночью высадился в районе форта Александрия и сжег два аула, захватив пленных и добычу. В октябре 1840 года Михаил повторил морской набег против убыхов, выставив на этот раз 500 отборных милиционеров на десяти галерах.

Убыхские предводители со своей стороны, вторгались в Абхазию, чтобы оживить там антирусское движение, поддерживать связи с дальцами и цебельдинцами. 23 ноября 1840 года начальник Черноморской береговой линии генерал-лейтенант Н.Н.Раевский сообщает военному министру: «Все заставляет думать, что Хаджи-Берзек преимуществен-

но обратится на Абхазию, где он не найдет сопротивления, где ожидает его надежда взволновать край против нас, а во всяком случае добыча гораздо богаче, чем в укреплении, хотя мы можем надеяться на преданность владельца Абхазии, но есть часть народа, которая готова восстать против него и присоединиться к убыхам. Вторжение Хаджи-Берзека будет сигналом восстания Абхазии, Цебельды, Самурзакани, восстания которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии и подвергнет разорению ту и другую».

События в Цебельде. В 1840 году восстали жители Цебельды и Дала, воодушевленные локальными успехами убыхов и черкесов. Восстание возглавил бывший офицер русской службы, молодой князь Шабат Маршан. Повстанцы атаковали *Мрамбское* укрепление, основанное в Цебельде незадолго до этого, и сожгли дом пристава, а его самого тяжело ранили. Нападениям подверглись также усадьбы феодалов, верных России.

Командование береговой линии послало на усмирение сводный батальон регулярных войск и небольшую казачью команду с тремя орудиями. Вспомогательные силы состояли из отрядов абхазского владетеля (2300 человек), и мегрело-имеретинской милиции (600 человек). Правительственные войска заняли Цебельду и остановились на подступах к Далу.

В конце 1840 года снаряжается новая экспедиция во главе с начальником третьего отделения Черноморской береговой линии полковником Муравьевым (впоследствии Муравьев-Амурский, генерал-губернатор Восточной Сибири) в составе 6 рот регулярной пехоты при 2 орудиях и 1300 милиционеров (в том числе 600 самурзаканцев). *Багадские теснины* – ворота в Дал – были захвачены штурмом, причем дефиле первыми прошли самурзаканцы, смявшие заслоны противника. Отряд Муравьева проник вплоть до истоков Кодора, предавая огню

поселения горцев. Полковник спешил покончить с дальцами, пока не подоспели убыхи и ахчипсаа, обещавшие прислать на помощь кодорцам 1000 воинов. Придавая большое значение стратегическому расположению Дала, русское командование хотело очистить его от коренного населения и создать здесь две военные колонии из женатых солдат и казаков, однако сделать это лихим налетом не удалось. Повстанцы с тыла обошли противника и заперли его в ущелье. У солдат Муравьева кончались продовольствие и боеприпасы, но отряд выручил один из местных князей, выведший его по тяжелой горной тропе. Впрочем, в январе 1841 года Муравьеву все-таки удалось выселить часть дальцев, семейства которых разместили возле укреплений Дранда и Мрамба. непокорные дальцы (вместе с группой цабальцев) отступили на северные склоны Кавказа, в долину *Теберды*, где у них было «свое всегдашнее убежище». Оттуда кодорские повстанцы, в числе которых была практически вся молодежь из знатных семейств Цебельды и Дала, тайно спускались к долинам, нападая на отдельные команды и маршевые колонны. Например, в 1841 году у горы *Альянча* была полностью уничтожена пехотная рота, направлявшаяся из Сухумской крепости в Мрамбу.

В 1842 году Шабат Маршан погиб при набеге на Мрамбское укрепление. Его сменил младший брат Эшсоу, возглавивший партизанскую войну. Даже после того, как в 1845 году большая часть дало-цебельдинских повстанцев вошла в переговоры с русской администрацией и, получив прощение, вернулась к мирной жизни (многие князья получили офицерские чины и стали считаться опорой царской власти), Эшсоу не сложил оружия. Отступив в непокорный Псху, он вместе с другими напимирами противниками русских еще долго вел вооруженную борьбу, действуя то в Кодорском ущелье, то в Джигетии, то на Северном Кавказе.

Джигетское приставство. Садзы, жившие на побережье, легкодоступном как с моря, так и по суше (со стороны Гагрского прохода), периодически подвергались набегам русских войск. Военное давление на садзов, помимо всего, объясняется стремлением российского правительства нарушить их союз с убыхами. «Мы едва ли можем защищать Абхазию, – писал генерал Раевский в 1840 году, – пока убыхи в связи с джигетами. Из этого следует необходимость принудить сих последних к немедленной покорности, а потом соединенными силами джигетов и Абхазии, поддержанными нашими войсками, действовать решительно против убыхов». Поэтому параллельно с боевыми действиями против садзов, велись и сепаратные переговоры, в которых ключевую роль играли абхазские феодалы, особенно Михаил Шервашидзе и Кац Маан. После продолжительных консультаций, весной 1841 года часть джигетских владельцев подчинилась России, выдала аманатов и допустила к себе пристава. Церемонией принятия присяги на верность «белому царю», состоявшейся в укреплении Святого Духа, руководил Кац Маан. Присутствовавший при этом Г.И.Филипсон так описывает этот знаменательный момент: «Коренастый старик, с усами выкрашенными в розовую краску, с палкой в руке, распоряжался энергически, как староста на барщине. Если слова присягающего были удовлетворительны, он говорил “гай, гай!”, и тот, приложив руку ко рту и ко лбу, отходил в сторону; в противном же случае Кац поднимал свою палку, говорил несколько слов, и присяга возобновлялась. Так присягнули до 500 человек князей, дворян и простолюдинов».

После присяги состоялась раздача подарков новым подданным империи (золото, серебро, шелковые ткани, сафьян, галантерейные вещицы) что, по мнению Филипсона, составляло не последний аргумент в пользу покорности.

По условиям присяги джигетские феодалы сохранили внутреннюю автономию. Их власть над общинами сохранялась в прежнем объеме, пришлось только отказаться от самостоятельной внешней политики и примириться с существованием русских укреплений на садзской территории. Приставское управление, также как в Цебельдинском и Самурзаканском округах осуществлялось по «народным обычаям». Так возникло Джигетское приставство, включавшее приморские земли от Гагры до Хосты. Это были владения четырех феодальных домов: Аредба, Гечба, Цанба и садзской ветви рода Ачба (Анчабадзе), составлявших между собой подобие «федеративного союза», как отмечается в военно-статистическом обозрении восточного берега Черного моря. Джигетские общества, территориально расположенные ближе к убыхам, воздержались от присяги, однако находясь на стыке сфер влияния противоборствующих сил, пытались блюсти принцип нейтралитета.

Территорию Джигетского приставства причислили к Абхазии и до 1847 года она считалась составной частью владетельного княжества, хотя фактически ситуацию тут определяло командование Черноморской береговой линии. Какое значение придавал Николай I «замирению» садзов, видно из того, что по его распоряжению князьям и дворянам, присягнувшим на верность России, были присвоены офицерские чины, а весной 1842 года депутацию джигетских феодалов в сопровождении пристава отправили в Петербург для представления императору. Награждены были и представители российской стороны, участвовавшие в переговорах с садзами: Михаил Шервашидзе был удостоен ордена св. Анны 1-ой степени, Кац Маан произведен в полковники, а начальник третьего отделения береговой линии Муравьев – в генерал-майоры.

Убыхская экспедиция. Подчинение садзов русской власти вызвало возмущение убыхов, тем более что примеры сад-

зских князей готовы были последовать некоторые другие прибрежные феодалы. В частности, влиятельные князья – сочинский владелец Аублаа-Ахмат и Зураб Хамыш тоже присягнули русским, но непримиримые убыхи схватили их и освободили только после клятвенного обещания, отказаться от русского подданства.

Тем не менее, с исчезновением джигетского барьера, граница подконтрольных России земель вплотную подступила к коренной территории убыхов, куда до этого времени не ступала нога русского солдата. Убыхские вожди завязали переговоры с абадзехами, шапсугами и другими черкесскими народами, на предмет образования военно-политического союза. Летом 1841 года союзники, собравшись на реке *Пшехе*, принесли взаимную присягу и издали *дефтер* (акт), предписывавший строгое выполнение шариата, прекращение всяких сношений с русскими и взаимную защиту от них. Однако опустошительные набеги начальника Правого фланга Кавказской линии генерала Засса на закубанские аулы, и усиление гарнизонов береговой линии, угрожавших шапсугам и натухайцам, не позволяли адыгам выделять крупные силы для участия в военных акциях на абхазском направлении. Кавказское сопротивление тут представляли главным образом ополчения убыхов и медовеевцев. От покорившихся русской власти садзов они требовали отложиться, угрожая в противном случае, «принудить их к тому силою оружия».

По-видимому, и садзы сомневались в правильности своего выбора. После нескольких энергичных нападений отрядов Хаджи Исмаила Берзека на русские укрепления летом 1841 года, «джигеты упали духом до того, что при малейшем неблагоприятном для нас обороте дел они готовы были соединиться с убыхами», – рапортует военному министру новый начальник Черноморской береговой линии генерал-майор

Анреп, сторонник активных наступательных действий против убыхов. Согласно его суждению, «отложить экспедицию до будущего года – значило потерять невозвратно джигетов, отодвинуться опять за р. Бзыбь, <...> и поднять все племена к восточному берегу Черного моря». Поэтому Анреп, по получении известия об успешном подавлении гурийского восстания²⁵, что, по его мнению, должно было отрезвляюще подействовать на горцев, следивших за событиями в Гурии, решил вторгнуться в сердцевину страны убыхов и нанести им решительное поражение.

К убыхской экспедиции стали готовиться с середины августа. К укреплению Святого Духа стянули 9 линейных батальонов при 18 горных орудиях, 2 пеших казачьих полка и команду саперов. Были вызваны милиции: абхазская, самурзаканская, имеретинская, мегрельская и гурийская. Впервые принял участие в экспедиции отряд (60 чел.) из небольшого Сванетского княжества, принявшего российское подданство в 1833 году. Михаил Шервашидзе «с обыкновенной своей резвостью начал собирать милицию своего края: вместо назначенных 800 человек, поднял 1500». В общей сложности экспедиционные силы насчитывали более 10 тысяч человек, в том числе в милиционных формированиях было 1852 пеших и 1017 всадников. Общее командование над всеми ополченцами принял абхазский владетель, имевший в ту пору чин генерал-майора.

Нелишне отметить, что генерал Анреп не считал возможным начинать наступление без участия отрядов милиции. Во-первых, ополченцы имели конницу, которой было немного в линейных войсках, во-вторых, они были лучше снаряжены и приспособлены для действий в горно-лесистой местности. Так, в описаниях кавказских войн отмечается изобретательность аб-

---

25. Имеется в виду гурийское восстание 1841 г.

хазов в горной войне, их меткая стрельба и умение бесшумно двигаться большими массами. Начальник штаба русского экспедиционного отряда Г.И. Филиппсон (в ту пору полковник) вспоминает как темной безлунной ночью он ждал абхазскую милицию, которая должна была присоединиться к войскам: «Я разослал офицеров искать ее, а сам ожидал в таком месте, где она непременно должна была проходить. Но прошло полчаса, а ее не было; новые посланные прибежали мне сказать, что она уже на месте и что отряд уже двинулся. Оказалось, что 1500 человек пеших абхазцев прошли от меня в 15 сажнях (ок. 32 м. – Г.А.), а я этого не подозревал. Вековой навык <...> заставил горцев приспособить так свою одежду, обувь и оружие, что при ночных движениях, никакой шум или бряцание им не изменяют».

В глаза бросается отсутствие садзов среди ополченцев. По заявлению генерала Анрепа, он велел собравшимся джигетским князьям милицию не выставлять, а оставаться в собственных домах, для защиты своих владений. Но думается, это был благовидный предлог, чтобы избежать сбора джигетского ополчения, не пользующегося доверием начальства. Неслучайно, корпусной командир генерал Головин, еще за месяц до описываемых событий, определил цели планируемой экспедиции, как «покорение и наказание убыхов и упрочение покорности джигетов». В своем рапорте Анреп отмечает: «Убыхи в полной уверенности, что русские не проникнут в их землю, <...> стращали джигетов совершенным разорением по уходе отряда. Джигеты, из боязни, а отчасти подстрекаемые людьми неблагонамеренными, приняли вид весьма сомнительный. Особенно в племенах, ближайших к убыхам: Хамыш и Арид (примерно территория от Хосты до Адлера. – Г.А.) видно было почти враждебное расположение. Около лагеря бродили люди, старавшиеся делать всякий вред, стрелять по высылаемым командам, прикрытиям, воровать лошадей и тому подобное».

Наконец, к первым числам октября 1841 года все было готово для выступления. На адлерский рейд прибыла эскадра Черноморского флота в составе 84-пушечного линейного корабля, 60-пушечного фрегата, трех пароходов и нескольких более мелких военных судов. 8-го октября за два часа до рассвета отряд двинулся в направлении форта Навагинского по прибрежной дороге. Одновременно с выступлением наземных сил, снялась с якоря эскадра и легла на параллельный курс. Ближе к берегу держались азовские лодки и баркасы.

Генералу Анрепу было известно, что убыхи готовятся к решительной схватке. В их лагере в долине реки *Мацеста* находилось до 5 тысяч пеших и конных воинов, в числе которых были также ахчипсаа. На пути движения царских войск, на берегу и на смежных высотах, было построено множество прочных завалов, сделанных из огромных деревьев или из двойного ряда плетня с набитой в середине земель.

Желая отвлечь часть противостоящих сил, начальник береговой линии предложил Михаилу Шервашидзе послать 450 милиционеров на двух пароходах к укреплению *Головинское* (в устье р. Шахе), десантироваться ночью и атаковать ближайшие аулы. Абхазский владетель лично возглавил набег, но, обнаружив в окрестностях форта только пустые селения, возвратился назад. «Этот поиск показал, что все народонаселение, могущее носить оружие, оставило дома свои и собралось между Сочео и Адлером».

Бои начались в конце первого перехода, на р. Хоста, в земле джигетского общества Хамыш и сразу же приняли ожесточенный характер. Боевые корабли, приблизившись к берегу на ружейный выстрел, открыли ураганный артиллерийский огонь по завалам. Горцы принуждены были оставить их и укрыться за изгибами местности, но как только канонада стихла и под барабанный бой стала выдвигаться русская пехота, защитники

завалов бросились к позициям и встретили солдат ружейным огнем. Тем не менее, к концу дня в жарком бою войскам удалось овладеть передовыми укреплениями противника.

Раннее утро второго дня началось сильной перестрелкой, так как ночью к полю боя подошли главные силы убыхов во главе с Хаджи Исмаилом Берзек. «Вероятно, немногим на Кавказе удалось слышать такой батальный огонь горцев, какой убыхи открыли по всей линии, прежде чем бросились в шашки», – рапортовал в Петербург генерал Анреп. В итоге в результате тяжелого трехдневного перехода русские войска при содействии боевых кораблей смогли расчистить дорогу и к вечеру 10-го октября вышли к Навагинскому укреплению. Однако из-за больших потерь, понесенных в сражении (около 600 убитых и 3000 раненых), генерал Анреп отказался от намерения вторгнуться в Убыхию. Значительный урон понесли и горцы. Только из представителей двух важнейших дворянских фамилий убыхов – Берзек и Дзиаш, были убиты соответственно 11 и 7 воинов. Тем не менее, стычки продолжались и в последующие дни на территории современного города Сочи, что увеличило потери русского экспедиционного отряда еще на 100 человек убитыми и ранеными.

Экспедиция в Псху 1843 года. В конце 1843 года начальник третьего отделения береговой линии генерал-майор Муравьев предпринял экспедицию в долину Псху, расположенную в верховьях реки Бзыбь и окруженную со всех сторон горными цепями. Целью похода объявили: «понуждения жителей выслать из края скрывавшихся у них цебельдинских абреков, не принимать их впредь и самим не участвовать в их предприятиях». Во главе экспедиционных сил (1200 солдат, не считая милиции) был поставлен владетель Михаил, однако Муравьев находился при нем же и руководил действиями войск. 26 декабря отряд выступил из Бамборы и че-

рез с. *Ачандары*, а затем по ущелью *Аапсы*, после трудного пути по заснеженным горам, во время которого солдаты на своих плечах несли артиллерийские орудия и зарядные ящики, достигли поселений псхувцев. Застигнутое врасплох население, насчитывавшее около 500 дворов с общим числом жителей до 2 тысяч человек, вынуждено было покориться, принять все условия и представить требуемое число аманатов. Таким образом, экспедиция в Псху не сопровождалась кровопролитием, но произвела впечатление на горцев. Русские войска продемонстрировали, что способны проникать далеко в горы по ужасным зимним дорогам. Однако вскоре после ухода отряда из Псху, этот район опять вышел из подчинения. Последующие карательные экспедиции также не имели решительного успеха. Общество Псху до самого конца Кавказской войны сохраняло фактическую независимость и служило убежищем для всех беглецов из Абхазии. Мало считались псхувцы и с владетельным князем, власть которого над нагорной Абхазией была чисто номинальной.

Война на Северо-Восточном Кавказе. Как уже отмечалось, в 30–40-х годах XIX века Кавказская война достигла своего кульминационного этапа. Юридизм, считавшийся разгромленным после гибели Гази-Магомеда, постепенно опять набрал силы. В 1834 году имамом был избран Шамиль, развернувший успешную герилью против регулярных войск. В 1839 году главные силы Кавказского корпуса снова были передвинуты на восточный театр войны. Генерал-адъютант Граббе в кровопролитном бою захватил ставку имама, считавшийся неприступным аул *Ахульго*, но Шамиль опять ускользнул от русских и скрылся в Чечне. На следующий год, поддержанный чеченцами, он перешел в контрнаступление и очистил от противника значительную часть Нагорного Дагестана. Весной 1842 года Шамиль разбил в Ичкеринских лесах гене-

рала Граббе, покорителя Ахульго, а в 1843 году захватил 13 укрепленных пунктов и огромную добычу, включая десятки артиллерийских орудий. Этот период в истории Кавказской войны называют «блистательной эпохой Шамиля». Царские войска временно перешли к обороне, хотя их численность на Кавказе к 1844 году достигала уже 185 тысяч человек.

Недовольный действиями своих войск император Николай I назначил наместником и главнокомандующим на Кавказе графа Воронцова, предоставив ему чрезвычайные полномочия. Прибыв в Тифлис в марте 1845 года, Воронцов вскоре выступил в поход против Шамиля во главе 27-тысячного отряда, но и эта экспедиция, как известно, закончилась провалом. Отряд наместника был окружен в горах и избежал плена или гибели лишь благодаря подоспевшей вырубке.

В апреле 1846 года Шамиль с 10-тысячным ополчением вторгся в Кабарду, чтобы соединиться с адыгами и образовать сплошной фронт борьбы горцев от Дагестана до Черного моря. Но замысел имама остался неосуществим в значительной мере из-за пассивности кабардинцев, занявших выжидательную позицию. Шамилю пришлось вернуться в Чечню. С ним ушла и небольшая группа кабардинцев, примкнувшая к его войску.

Мюридизм в Черкесии. Магомед-Амин. Шамиль все же не отказался от попыток распространить свое влияние на Западный Кавказ. В 40-х годах здесь появляются его представители, самым заметным из которых был Магомед-Амин, приехавший по просьбе адыгов, и оказавшийся здесь востребованным, и по своим личным качествам, и как лицо, не связанное с местными конкурирующими кланами. Он сплотил вокруг себя абадзехов и часть соседних черкесских народностей, разделив их земли на общины по 100 дворов каждой, из которых образовал округа – *мягкеме*²⁶, во главе с

---

26. Мягкеме, мехкеме (араб.) – духовный суд у мусульман.

*муфтием*²⁷ и советом из трех *кадиев*²⁸, составлявшими совет с правами административной и судебной власти. В распоряжении этого управления были конные отряды *муртазикатов*²⁹, являвшихся ядром постоянного войска. В ополчение черкесы обязаны были выставлять по одному воину с каждого двора.

Формально являясь наместником – *наибом* – Шамиля в Черкесии, Магомед-Амин, из-за территориальной разобщенности с имаматом, фактически независимо вел газават и управлял своими округами, территория которых на протяжении 1848–1859 годов «то расширялась до пределов почти всего Закубанья, то возвращалась к границам Абдзахии». Консолидация сил горского сопротивления эффективно сказалась на боевых действиях против царских войск, что в определенной мере отразилось и на обстановку в Абхазии. Эшсоу Маршан установил связь с Магомед-Амином, но идеи мюридизма нашли лишь незначительное распространение среди абхазов.

---

27. Муфтий (араб.) – мусульманский богослов-проповедник, представитель высшего духовенства.

28. Кади (араб.) – судья, вершащий правосудие на основе шариата.

29. Муртазикаты (араб.) – воины отборной гвардии в Кавказском имамате.

ВОСТОЧНАЯ (КРЫМСКАЯ) ВОЙНА. ЗАВЕРШЕНИЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ И УПРАЗДНЕНИЕ АБХАЗСКОГО КНЯЖЕСТВА (1853-1864 гг.)

Абхазия в годы Восточной войны. В конце 1853 года началась Восточная, или Крымская, война за господство на Ближнем Востоке между Российской империей и коалицией держав в составе Англии, Франции, Турции и Сардинского королевства. Боевые действия сухопутных войск развернулись на Дунае, в Крыму и на Кавказе, военно-морских сил – на Черном, Балтийском и Белом морях, и Тихом океане. Главным театром военных действий являлся полуостров Крым и в целом черноморский регион.

В планах коалиции Кавказу отводилась важная роль, поскольку он имел огромное стратегическое значение и здесь шла русско-горская война. В стремлении использовать кавказских горцев в своих целях турецкое и англо-французское командование установило связи с руководителями горского движения. Особенно большие надежды возлагали союзники на Шамиля и Магомед-Амина.

Шамиль со своей стороны серьезно отнесся к возможности прорыва блокады, в которой со дня основания находился имамат. Летом 1854 года, когда турецкая Анатолийская армия начала наступление на Закавказье, 12-тысячное войско горцев прорвало *Лезгинскую кордонную линию*, прикрывавшую Грузию со стороны Дагестана, и приблизилось к Тифлису на 60 километров, однако было задержано грузинским ополчением и отброшено подоспевшими русскими резервами. Одновременно, главные силы турок (35000–40000 чел.) в сражении при *Кюрюк-Дара* были разгромлены 25-тысячным отрядом генерала Бебутова и отошли к крепости *Карс*.

Поражение турок на Кавказском театре военных действий и неудачное вторжение Шамиля в Грузию, произвели на западных союзников удручающее впечатление. Французский маршал Сент-Арно после личной встречи с Магомед-Амином и черкесскими вождями в Варне, в июле 1854 года, представил план экспедиции союзных сил на Кавказское побережье с целью овладения Анапой и Сухум-Кале и разгрома русской армии с помощью горцев. Однако этот план не встретил поддержки англичан, предпочитавших действовать на Кавказе без французов. Поэтому объединенные силы союзников направилась не на Кавказ, а в Крым.

Восточная война раскрыла военную и экономическую отсталость царской России. Появление на Черном море англо-французов, обладавших военно-техническим превосходством над русской армией и флотом, резко изменило в пользу коалиции стратегическую обстановку на главном театре военных действий. Гарнизоны Черноморской береговой линии, оказавшиеся под угрозой двойного удара – союзнического флота с моря и горцев со стороны суши, по приказу Николая I в 1854 году были спешно эвакуированы, а форты взорваны. На всем протяжении от Анапы до Поти не осталось ни одного русского солдата.

Пользуясь уходом русских из прибрежной зоны и полным господством англо-французского флота на Черном море, в сентябре 1855 года турки высадили в Сухумской бухте 30-тысячный корпус отборных войск под командованием Омер-паши, который двинулся к пределам Мегрелии. 23–25 октября 1855 года на подступах к Зугдиди произошло кровопролитное сражение между главными силами Омер-паши и русским отрядом генерала князя Багратион-Мухранского, половину которого составляла грузинская милиция. В рядах русского отряда сражались также бойцы и офицеры абхазской национальности. В том числе полковник Дмитрий Шервашидзе, подполковник Соломон Званба и др.

Сражение не было удачным для русских войск и Багратион-Мухранский отступил. Турки оккупировали Мегрелию. Ближайшей стратегической задачей турецкого *сардара* был захват Кутаиси, форсирование Сурамского хребта и наступление на Тифлис.

В этой войне много абхазов воевало и на стороне союзников. В авангарде войск Омер-паши находились легкоконные отряды абхазских всадников, первыми вышедшие к ингурскому берегу, где турок поджидали русские войска. Радикально-оппозиционные настроения обнаружались и в Самурзаканском округе; отряд для действий в тылу врага, направленный туда Багратион-Мухранским, вынужден был вернуться назад, ибо «жители не только оказывали ему явное неблагодарное отношение, но даже перестреливались с передовыми постами его».

В документах этого периода, вновь фигурирует неуловимый предводитель кодорских повстанцев Эшсоу Маршан. В донесении начальника Главного штаба войск на Кавказе генерал-лейтенанта Козловского от 9 августа 1854 года сообщается, что сванетский владетель ротмистр Дадешкелиани

«получил приглашение от зятя своего кн. Эсшау Маршани, абрека цебельдинского, присоединиться к неприятелю и пропустить через Сванети, по Ингурскому ущелью, партию пеших горцев, которая напала бы на Мингрелию со стороны Джвари, а одновременно с другой стороны, т.е. из Абхазии, вторгнулись бы горцы конные, между тем как с моря и из Турции вступили бы в Мингрелию и Гурию войска турецкие и союзных держав». Однако план двойного вторжения кавказских горцев в Мегрелию не был осуществлен, видимо, отчасти из-за отказа князя Дадешкелиани, воздержавшегося от открытого выступления против России.

Из правителей княжеств, подконтрольных кутаисскому военному губернатору, только правительница Мегрелии Екатерина Чавчавадзе, супруга скончавшегося в 1853 году мтавара Давида Дадиани, выказала полную лояльность Российской империи. Сванетских владельцев русские власти обвиняли в сношениях с Омер-пашой. Еще больше нареканий начальства вызвало поведение Михаила Шервашидзе в период Восточной войны.

Весной 1854 года Михаил оказал большую помощь кавказскому командованию в деле организованного вывода русских войск из Абхазии. Выставленные им заслоны обеспечили безопасность прохождения русских колон, которым угрожало нападение враждебных горцев.

После высадки турок в Абхазии, владелец с семьей находился в Мегрелии, в имении своего тестя, Георгия Дадиани. В апреле 1855 года Михаил встретился в Зугдиди с новым наместником Кавказа генералом Н.Н.Муравьевым. По сообщению наместника, владелец попросил разрешение поехать в Абхазию, «дабы противодействовать там намерениям неприятеля». Муравьев отклонил эту просьбу, предложив Михаилу выехать в действующую армию на турецкой грани-

це или же переждать события в Тифлисе. По воспоминаниям современников, владетель после этой беседы был в раздраженном состоянии духа и вскоре неожиданно вернулся в Абхазию, занятую турками, где встречался с Омер-пашой и другими турецкими военачальниками. Этот шаг Михаила свидетельствует о его серьезном разладе с русскими. Турецкий султан, желая привлечь на свою сторону абхазского владетеля, пожаловал ему титул паши и провозгласил правителем всего Восточного Причерноморья от Анапы до Николаевского поста, но Михаил фактически ничего не сделал для турок. Он по-прежнему поддерживал связи с Тифлисом, желая показать, что продолжает блюсти интересы России. Так, 16 июня 1855 года в письме генералу Бебутову, Михаил сообщает, что внес раскол между турецким командующим и вождями черкесского войска, прибывшего в Абхазию для соединения с турками, из-за чего многие черкесы вернулись домой.

Попытки Михаила Шервашидзе уклониться от проявления четкой позиции в русско-турецкой войне, вызывали недовольство обеих противоборствующих сторон. Турки сомневались в преданности и чистосердечии Хамут-паши (под этим именем фигурирует Михаил в турецких документах). Кавказский наместник же так выразил свое мнение: «в действиях владетеля Абхазии я вижу двуличное поведение против нас и турок, происходящее от волнующих его сомнений: за кем из воюющих сторон останется Абхазия? Он не имеет искренней привязанности ни к одной стороне, но желает сохранить свое владение и считает себя в праве держать род нейтралитета, забывая свое высокое звание генерал-адъютанта е[го] и[мператорского] в[еличества]».

Несмотря на успехи союзников на главном театре военных действий, в Крыму, на кавказском фронте их де-

ла складывались не лучшим образом. Омер-паша застрял в Мегрелии, где население развернуло против турок настоящую партизанскую войну. На южном направлении, в ноябре 1855 года, русские войска захватили город-крепость Карс, где капитулировали остатки Анатолийской армии (18 тыс. человек) со всей артиллерией и имуществом. Военные ресурсы Османской империи были исчерпаны. Узнав о падении Карса, Омер-паша приказал своим войскам отступить к морю, к Редут-Кале, откуда их перевозили в Батуми и Трабзон. В мае 1856 года последние формирования османцев покинули кавказские берега.

Восточная война закончилась поражением Российской империи. По условиям Парижского мирного договора (март 1856 г.) она потеряла небольшую территорию в районе устьев Дуная и был ограничен ее суверенитет на Черном море, объявленное нейтральным (Россия и Турция не могли держать там военный флот и военно-морские арсеналы). Таким образом Парижский мир ослабил позиции России на Балканах и Ближнем Востоке, но на Кавказе она сохранила свои позиции, несмотря на попытку английских дипломатов, внести на рассмотрение вопрос о независимости Черкесии.

После того, как стало известно о заключении мира, в апреле 1856 года представители Абхазии и Самурзаканского округа с участием некоторых джигетских князей под председательством Михаила Шервашидзе провели в Сухум-Кале совещание на тему – как вернуться под власть России, избежав наказания. Затем владетель выехал к наместнику в Тифлис, для улаживания этого вопроса.

Абхазский владетель вызывал раздражение русских властей своим поведением во время войны, но в Петербурге решили на время замять этот вопрос, пока продолжалась борьба с горцами, и не отстранять Михаила от власти. Рассле-

дование дела об его «измене» было прекращено под предлогом того, что «государь не нашел прямых доказательств преднамеренной, с сознанием цели рассчитанной измены».

В июле 1856 года в Сухум-Кале вступили русские войска в сопровождении Михаила Шервашидзе.

Завершение русско-горской войны. Император Александр II в 1856 году назначил главнокомандующим и наместником на Кавказе генерал-адъютанта князя Барятинского, которому подчинил такие силы, какими не располагал ни один из его предшественников. Помимо 300-тысячного Кавказского корпуса, развернутого в армию в 1857 году, в распоряжение нового главнокомандующего были переданы две пехотные дивизии, сформированы три драгунских полка и ряд пехотных частей. Это были лучшие войска империи, обладавшие выучкой и боевым опытом, накопленным за долгие годы вооруженной борьбы с горцами.

Спустя несколько месяцев после заключения Парижского мира, Россия возобновила боевые действия против непокорных горцев, но в отличие от прежних времен, вместо разрозненных экспедиций, ныне предполагалось вести систематическое и непрерывное наступление до победного конца. Барятинский разработал детальный план продвижения от рубежа к рубежу с прочным закреплением занятых территорий. Имперское правительство неизменно поддерживало силы и средства, необходимые для самого настойчивого ведения войны на Кавказе.

Основные усилия Барятинский направил против Шамиля, развернув вокруг имамата 200-тысячную группировку. Постепенно сжимая кольцо блокады, русские войска летом 1859 года окружили Шамиля в крепости *Гуниб*, где после безнадежного сопротивления знаменитый вождь сдался и был выслан в Россию.

С уничтожением чечено-дагестанского имамата, в центре внимания русского главного командования оказался правый фланг Кавказской линии, где для усиления войск, расположенных на Кубани, стали перебрасывать ударные части Кавказской армии, закаленные в боях с отрядами Шамиля.

В такой ситуации Магомед-Амин, осознавая бесперспективность дальнейшего сопротивления, сложил оружие. В ноябре 1859 года он вместе с 2 тысячами верных абадзехов явился в русский военный лагерь к генералу Г.И.Филипсону и принес присягу на верность российскому императору. Фактически был заключен мир на компромиссных началах – абадзехи принимали российское подданство, но сохраняли традиционный образ жизни и внутреннюю независимость. В Петербурге поначалу с восторгом приняли этот вариант, но в военно-политическом руководстве империи были люди, которые с скептически отнеслись к такому решению вопроса. Резко против было настроено и большинство кавказского генералитета, включая самого главнокомандующего. На совещании высшего командного состава Кавказской армии во главе с Барятинским, состоявшемся во Владикавказе в октябре 1860 года, по этому вопросу столкнулись два мнения – генералов Филипсона и Евдокимова. Г.И.Филипсон, опасаясь, что жестокие меры могут лишь ужесточить сопротивление горцев и стать поводом для вмешательства европейских держав (особенно Англии) в кавказские дела, предлагал мягкий подход: опираясь на авторитет недавно приобретенного союзника, Магомед-Амина, поставить еще сопротивляющиеся народы в ту же степень зависимости, что и абадзехов, сложивших оружие, и ограничить присутствие российской власти в Черкесии занятием некоторых укрепленных пунктов, прокладкой дорог и введением управления сообразно быту и нравам горцев, не препятствуя при этом их торговым сношениям с Турцией.

План генерала Евдокимова, напротив, состоял в том, чтобы решительно вытеснить туземное население из гор и заставить его или переселиться в степь в окружение казачьих станиц, или уходить в Турцию. Из этих двух проектов победу одержал второй, который и получил высочайшее одобрение. В сентябре 1861 года генерал-адъютант Евдокимов был назначен командующим правого фланга, развернутого против Черкесии.

Опасность, нависшая над народами Северо-Западного Кавказа, побудила их создать новый центр сопротивления, взамен распавшегося объединения Магомед-Амина. В июне 1861 года в долине реки Сочи был созван съезд представителей убыхов, натухайцев, абадзехов, садзов и других народов, на котором было провозглашено о создании совета (правительства), получившего название: «Великое и свободное собрание». Учредили единую налоговую систему, для постоянного войска решили из каждых 100 дворов выводить по 5 вооруженных всадников. 4 тысячи убыхов отправились защищать от войск генерала Евдокимова адыгские аулы Закубанья. Сочинское собрание («меджлис») обратилось за помощью к правительствам Великобритании, Франции и Османской империи, но эти государства не проявили желания вмешиваться в русско-горскую войну.

В сентябре 1861 года Северный Кавказ посетил император Александр II, который встречался с представителями адыгов и убыхов, в том числе с уполномоченными меджлиса. Горцы выразили готовность признать верховную власть России при условии неприкосновенности их земель, чтобы там не проводили дорог, не строили крепостей и станиц. Однако император потребовал безоговорочного подчинения и переселения горцев в степные районы, отдаленные от моря. В противном случае, им предлагалось уйти в Осман-

скую империю, выразившую желание принять кавказцев (турецкое правительство расселяло их военными колониями среди политически ненадежного населения Балканского полуострова и арабских стран).

Таким образом, переговоры не привели к желаемым результатам и война возобновилась при огромном неравенстве сил. «Теперь речь идет уже не об армии, в бой вступает настоящая армада», – пишет швейцарский писатель и историк Ерик Осли. Началось планомерное наступление на Черкесию, сопровождавшееся вырубкой лесов, разорением аулов и изгнанием людей из своих жилищ.

Ростислав Фадеев откровенно рисует картину действий правительственных войск на этом заключительном этапе войны:

«Горцы потерпели страшное бедствие; в этом нечего запираться, потому, что иначе и быть не могло. Они отказались от милостивых предложений, сделанных им лично государем императором, и гордо приняли вызов на войну. Никакие договоры с тех пор уже не были возможны, да и не с кем было их заключить, при царившей у них безладице. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только в открытом бою, но еще больше инерцией массы: они встречали наши удары с каким-то бесчувствием; как отдельный человек в поле не сдавался перед целым войском, но умирал, убивая, так и народ, после разорения дотла его деревень, произведенного в десятый раз, цепко держался на прежних местах. Мы не могли отступить от начатого дела и бросить покорение Кавказа, только потому, что горцы не хотели покоряться. Надобно было истребить горцев наполовину, чтобы заставить другую половину положить оружие. Но не более десятой части погибших пали от оружия; остальные свалились от лишений и суровых зим, проведенных под метелями в лесу и на голых скалах».

В 1862 году сдались абазины-ашхарцы; в указанный им срок они оставили свои места и переселились в Турцию. К началу 1864 года было сломлено сопротивление адыгов, к этому времени загнанных в горы или прижатых к морю. Под угрозой голодной смерти или поголовного истребления войсками они массами стали переселяться в Османскую империю. Оставленные черкесами земли правительство ударными темпами заселяло русскими колонистами. Только с 1861 по 1865 год включительно в Закубанье было водворено до 16 тысяч семейств переселенцев, из которых казачий элемент составил свыше 78 процентов.

Вскоре такая же судьба постигла убыхов. Вслед за убыхами сдались садзы. По рассказу военного историка Семена Эсадзе, 26 марта 1864 года делегация садзов явилась к генералу Гейману, начальнику отряда занявшего Сочи. На вопрос – «зачем они приехали», глава делегации князь Рашид Гечба ответил: «Мы – джигеты; мы народ вольный; никогда ни с кем открыто не воевали и никогда никому не подчинялись. Теперь мы видим, что все кругом нас покоряется русским, и мы уже считаем землю нашу собственностью российского императора. Услышав, что ты здесь, генерал, мы приехали к тебе спросить приказание: как ты скажешь, так и будет. Дозволишь остаться, не скроем, это будет нам особенно приятно; прикажешь выселяться, мы вместе с другими мусульманами уйдем в Турцию». На это Гейман ответил: «Я ни дозволить вам остаться, ни приказать выходить самовольно не могу <...>. Окончательный ответ на вопрос ваш я сообщу, когда получу на то приказание».

Последние залпы Кавказской войны гремели в горах Северо-Западной Абхазии, в верховьях Мзымты и Псоу. Жители Аибги и Ахчипсы, вместе с собравшимися у них абреками разных племен, готовились к отчаянной схватке, перекрыв

завалами тропы. Великий князь Михаил Николаевич (брат Александра II), назначенный главнокомандующим Кавказской армией и наместником на Кавказе в конце 1862 года, направил в этот труднодоступный район четыре колонны войск общей численностью до 25 тысяч человек. Русские войска, двигаясь с разных сторон, решительно подавили сопротивление горцев и к 20 мая 1864 года сосредоточились в урочище *Губаадвы* (ныне *Красная Поляна*) общества Ахчипсы. «Этому глухому аулу, – писал полвека спустя С.С.Эсадзе, – суждено было быть местом празднования события громадной исторической важности – окончания Кавказской войны». Днем окончания этого самого продолжительного в истории России военного конфликта считается 21 мая 1864 года, когда на Красной поляне, в присутствии самого наместника, было отслужено благодарственное молебствие в ознаменование победы и проведен торжественный парад войск. Весть о свершившемся событии наместник донес своему царственному брату, Александру II, телеграммой, которая начиналась словами: «Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны, отныне не остается более ни одного не покорённого племени...».

В ответной телеграмме императора говорилось: «Благодарю от души всех начальников, офицеров и нижних чинов за их молодецкую службу, увенчанную полным успехом. Я горжусь ими более чем когда-либо».

Переселение кавказских горцев в Османскую империю. Когда официальная Россия праздновала победу в Кавказской войне, горцы, говоря словами Е.Г.Вейденбаума, «побежденные, но не покоренные», толпами покидали родной край и отправлялись за море. Только небольшая часть их согласилась перейти на Прикубанскую равнину, большинство же

предпочло покинуть землю предков. Это массовая миграция кавказских горцев, названная позже «махаджирством» (от араб. *хаджара* – «переселяться»), началась еще в 50-х годах XIX века, а в 60-х приняла катастрофические масштабы, обернувшись подлинной трагедией для адыго-абхазских народов, у которых число ушедших намного превысило число оставшихся на родной земле. С карты Кавказа исчез народ убыхов, полностью переселившийся в Турцию в 1864 году. Тогда же практически поголовно выселились садзы и медовевцевы, а также большинство северокавказских абазин. Ушла и большая часть адыгов (черкесов), до этого времени самого крупного северокавказского этноса.

Конец Абхазского княжества. По окончании Восточной войны русское правительство не стало восстанавливать Черноморскую береговую линию, вернуло только важнейшие стратегические пункты: Анапу, Новороссийск и Гагру. Развалины остальных приморских укреплений были оставлены горцам, которые контролировали их до 1864 года. Отпала от Российской империи также Джигетия, возобновившая союз с убыхами. Однако джигетские (садзские) князя, в отличие от убыхских вождей, вели более осторожную политику, не ввязываясь в полной мере в войну с Россией, а только отбивались, когда русские войска нападали на их земли.

К осени 1856 года были учреждены должности кутаисского генерал-губернатора, которому в военном отношении подчинялась Абхазия, и *командующего войсками в Абхазии*, фактически заменившего начальника третьего отделения бывшей береговой линии.

Обстановка на территории княжества по-прежнему не вызывало удовлетворение у кавказского военного начальства. В 1858 году командующий Правым флангом Кавказской линии генерал-лейтенант Филипсон пишет начальнику глав-

ного штаба Кавказской армии: «...положение в Абхазии не изменилось к лучшему <...>, также точно наш солдат не может отойти от своего укрепления на версту, не подвергаясь опасности быть убитым или взятым в плен <...> Одним словом, мы занимаем Абхазию, но не владеем ею».

После Восточной войны российское правительство приступило к поэтапному упразднению оставшихся на Кавказе автономных владений. Под предлогом крестьянского выступления в Мегрелии в 1857 году был отстранен от власти владетельный дом Дадиани, а княжество подчинено напрямую русскому управлению. Сначала это преподносилось как временная мера, но в 1867 году автономию окончательно отменили, а территорию края причислили к Кутаисской губернии. В 1858 году было упразднено Сванетское владение. Абхазское княжество сохранялось несколько дольше, так как по соседству с ним продолжалась война с горцами и власти опасались абхазского восстания, которое могло серьезно осложнить обстановку. Однако когда окончательно стало ясно, что победа России не за горами, правительство стало действовать решительнее. Кавказский наместник Михаил Николаевич в марте 1864 года направил в Петербург «Записку о положении в Абхазии», в которой резко отрицательно характеризовался порядок управления в княжестве и предлагалось упразднить владетельскую власть. Вслед за этим, в апреле, Михаил Шервашидзе, признанный «неблагонадежным», был отстранен от власти, а в июне 1864 года было введено непосредственное управление русских властей. Само собой разумеется, что обвинение в неблагонадежности было лишь предлогом для обоснования этого акта. Владетели Мегрелии, например, в действиях против России никогда не обвинялись, но их отстранили от власти даже раньше абхазского князя. Сам наместник, инициировавший отстра-

нение Михаила, признавал, что «юридически нельзя обвинить князя Михаила Шервашидзе ни в одном из тех тяжелых преступлений, в которых обвиняет его общее мнение».

Решения правительства об отмене автономного управления в Абхазии было проведено без эксцессов. Тем не менее бывшего владельца, постаревшего и больного, в ноябре 1864 года под надуманным предлогом арестовали и выслали в Россию. Впрочем, в ознаменование прошлых заслуг Михаилу оставили титул «светлейшего князя» и звание генерал-адъютанта, а также назначили большую пенсию. Последний владелец Абхазии умер в апреле 1866 года в Воронеже. Его тело, согласно завещанию, перевезли на родину и с почестями погребли в Моквском соборе.

ВОСТОЧНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ПРИЛЕГАЮЩИЕ ТЕРРИТОРИИ (1830-1864 гг.)

- 1) районы, на которые не распространялся контроль русской администрации в 1830 г.;
- 2) районы, не контролируемые русской администрацией к 1841 г.;
- 3) граница территории, не контролируемой русской администрацией к 1861 г.;
- 4) граница территории, не контролируемой русской администрацией к началу 1864 г.;
- 5) территория Джигетского приставства (1841-1854 гг.);
- 6) русско-турецкая граница в 1829-1878 гг.

Примечание: На карте указаны не все укрепления Черноморской береговой линии.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Книга II / Составители Р.Х.Агуажба, Т.А.Ачугба. – Сухум, 2008.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия. / Главный редактор проф. М.А.Кумахов. – Москва, 2006.
3. Ачугба Т.А. Абхазия: Депортация абхазов (XIX век). – Сухум, 2018.
4. Бентковский И.В. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта/ Кубанский сборник. Труды областного статистического комитета, издаваемого под ред. Е.П.Фелицина. Т.1. – Екатеринодар, 1888.
5. Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность/ История СССР. №2'1983.
6. Бороздин К.А. Омер-паша в Мингрелии. Из воспоминаний о Восточной войне 1853–56 гг. – С.-Петербург, 1873.
7. Вахушти. История Грузии / Подготовил к изданию по всем основным рукописям С.Г.Каухчишвили. – Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
8. Вейденбаум Е.Г. – Путеводитель по Кавказу. – Тифлис, 1888.
9. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. – Москва, 1974.
10. Ворошилов В.И. История убыхов. – Майкоп, 2008.
11. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона/Русский архив. №1'1884.
12. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона/Русский архив. №6'1883.
13. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI, часть 5. Кутаисское генерал-губернаторство / Составлял генерального штаба штабс-капитан Лаврентьев. – СПб, 1858.
14. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Часть 10. Восточный берег Черного моря. С.–Петербург, 1853. / По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял генерального штаба полковник Карльгоф. – С.–Петербург, 1853.

15. Ген. Торماسова к гр. Румянцеву, от 16 октября 1810 г./ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК) Т. IV. Под. ред А.Д.Берже. – Тифлис, 1870.
16. *Гордин Я.А.* Кавказская Атлантида. 300 лет войны. – Москва, 2011.
17. *Дадиани Нико.* История грузин / Под ред. Ш.Бурджанадзе. – Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
18. *Джанашиа С.Н.* Гиорги Шарвашидзе. Культурно-исторический очерк/ /Его же. Труды, т. VI. – Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
19. *Дзамихов К.Ф.* Кавказская война и её интерпретация в отечественной историографии и общественном сознании: «черкесский взгляд»/ /Северо-Кавказский юридический вестник. №1'2014.
20. *Дзидзария Г.А.* Абхазо-убыхский союз в освободительном движении на Западном Кавказе/ /Его же. Труды. Т. II. – Сухум, 2015.
21. *Дзидзария Г.А.* Завоевание Абхазии царской Россией/ /Его же. Труды. Т. I. – Сухум, 2014.
22. *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми. 1982.
23. *Дзидзария Г.А.* Народное хозяйство и социальные отношения а Абхазии в XIX в. (до крестьянской реформы 1870 г.). – Сухуми, 1958.
24. *Документы по истории Грузии.* Серия II. Том 1. Часть первая / Под ред. Ш.К.Чхетия. – Тбилиси, 1954.
25. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т.I, кн. 1. – С.-Петербург, 1871.
26. *Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. Т.VI. – С.-Петербург, 1888.
27. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абхазия и Сухум в XIX столетии/ /Известия Кавказского отдела Русского географического общества. Т.XX, №2. – Тифлис, 1910.
28. Записка о военных действиях Гурийского отряда во время командования ген.-м. кн. Багратион-Мухранского, составленная начальником штаба сего отряда, полк. Усларом. – 1856 г./ /АКАК. Т. XI. Под ред. Д.Кобякова. – 1888.
29. Записки А.П.Ермолова. 1798–1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А.Федорова. – Москва, 1991.
30. *Званба С.Т.* Абхазские этнографические этюды. / Составитель,

- автор биографо-библиографического очерка и ответственный редактор Г.А. Дзидзария. – Сухуми, 1982.
31. Из записок кавказского туриста/ «Кавказ», №45'1867.
  32. *Инал-Ипа Ш.Д.* Садзы. Историко-этнографические очерки. – Сухум, 2014.
  33. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. / Составитель В.М.Букалова. – Москва, 1957. С. 188.
  34. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность / Руководитель проекта Я.А.Гордин. – С.-Петербург, 2005.
  35. [К гр. Румянцеву] от 6 августа 1810 г./ АКАК. Т. IV.
  36. *Касумов А.* Оборона Северного Кавказа в Крымской войне 1853-1856 гг./ Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып. 6. – Ставрополь, 1957.
  37. *Кудашев А.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913.
  38. *Лакоба С.З.* Асланбей. – Сухум, 1999.
  39. *Лапин В.В.* Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии/ Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3.
  40. *Люлье Л.Я.* Черкессия. Историко-этнографические статьи. – Киев, 1991.
  41. *Мамедов А.Н.* Приставская система управления на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века/ Известия РГПУ им. А.И.Герцена. 2008. №76-1.
  42. Материалы по истории Абхазии XIX века. I. Составитель: Г.А.Дзидзария. – Сухум, 2008.
  43. *Мачарадзе В.Г.* Бесики на дипломатической арене. – Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
  44. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные *Семеном Броневским*. Часть первая. – Москва, 1823.
  45. Обзорение высочайше предначертанного плана к общему усмирению кавказских горских племен, от 12 марта 1840 г. // АКАК. Том IX. Под ред. А.Д.Берже. – Тифлис, 1884.
  46. *Осли Э.* Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние. – Москва, 2008.

47. Османские документальные источники об Абхазии и Восточном Причерноморье (XVII–XVIII вв.) / Турецкий текст с грузинским переводом, введением, терминологическим словарем, факсимиле и индексом подготовили к изданию Г.З.Анчабадзе и Н.Н.Шенгелия. – Тбилиси, 2012.
48. Отношение барона Розена к гр. Чернышеву, от 3 сентября 1836 г./ /АКАК. Т. VIII. Под ред. А.Д.Берже. – Тифлис, 1881.
49. Отношение ген. Муравьева к кн. Долгорукову, от 27 февраля 1856 г./ /АКАК. Т. XI.
50. Отношение гр. Клейнмихеля к ген. Головину, от 7 августа 1842 г./ /АКАК. Т. IX. Под ред. А.Д.Берже. – Тифлис, 1884.
51. Отношение графа Паскевича графу Чернышеву от 18 августа 1830 г./ /Кавказский сборник (далее – КС). Т. XXXII, часть II.
52. Отношение гр. Чернышева ген. Головину, от 22 февраля 1840 г./ /АКАК. Т. IX.
53. Очерк устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани (Извлечение из трудов Сухумской Сословно-Поземельной комиссии, представленных в 1869 году) / /Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис. Вып. III. 1870.
54. Очерки истории Абхазской АССР. Часть I. – Сухуми, 1960.
55. *Пахомов А.* Записка об имениях князя Георгия Шервашидзе / /Исторический вестник, 7. –Тбилиси, 1953.
56. *Пейсонель М.* Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1762 годах / в изложении Е.Д.Фелицина. Северокавказский филиал традиционной культуры, 1990.
57. Переписка об организации экспедиции по Абхазскому берегу Черного моря, для проложения сухопутного сообщения от крепости Поти до Анапы/ /National Archives of Georgia. Central Historical Archive. F.1087, s.2, i, 279.
58. Письмо владельца Мингрелии кн. Левана Дадиани барону Розену от 8 декабря 1831 г./ /КС. Т. XXXII, часть II. – Тифлис, 1912.
59. Письмо кн. Чарторыйского к ген.-л. Глазенепу, от 8 июня 1806 г./ /АКАК. Т. III. Под. ред А.Д.Берже. – Тифлис, 1870.
60. Письмо командующего войсками Правого крыла Кавказской линии, ген.-л. Филипсона, к начальнику Главного Штаба Кавказской армии, свиты Его величества ген.-м. Милютину, от 13 мая 1858 г./ /АКАК. Т. XII. – Тифлис, 1904.

61. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000.
62. *Потто В.А.* Кавказская война. Том 1. – Ставрополь, 1994.
63. *Потто В.А.* Кавказская война. Том 2. – Ставрополь, 1994.
64. Предписание барона Розена ген.-л. кн. Багратиону от 7 марта 1832 г./ /КС. Т. XXXII, часть II.
65. [Предписание барона Розена кн. Михаилу Шервашидзе] от 12 июня 1834 г./ /АКАК Т. VIII.
66. Рапорт гвардейского генерального штаба барона Аша управляющему генеральным штабом отдельного Кавказского корпуса полковнику Гасфорту от 5 мая 1830 г./ /КС. Т. XXXII, часть II.
67. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву от 16 октября 1841 г./ /АКАК. Том IX.
68. Рапорт ген. Анрепа гр. Чернышеву, от 15 ноября 1841 г./ /АКАК. Т. IX.
69. Рапорт ген. Головина кн. Чернышеву, от 7 сентября 1841 г./ /АКАК. Т. IX.
70. Рапорт ген. Паскевича начальнику главного штаба Е[го] И[мператорского] В[еличества] от 30 апреля 1827 г./ /АКАК. Т. VII. Под ред. А.Д.Берже. – Тифлис, 1878.
71. Рапорт ген.-м. Гессе 2-го графу Паскевичу от 12 июля 1830 г./ /КС. Т. XXXII, часть II.
72. Рапорт ген.-м. Курнатовского ген.-м. Сталю 2-му от 9 мая 1818 г./ /АКАК. Т. VI, ч. I. Под ред. А.Д.Берже. – Тифлис, 1874.
73. Рапорт ген.-м. Рыкгофа гр. Гудовичу, от 28 марта 1807 г./ /АКАК III.
74. Рапорт кн. Бебутова кн. Долгорукову, от 28 октября 1855 г./ /АКАК. Том XI.
75. *Салакая С.Ш.* Абхазия и Кавказская война в советской историографии/ /Абхазоведение. № 5–6. – Сухум, 2011.
76. *Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. Кн. II. – С.-Петербург, 1847.
77. *Скиба К.В.* Кубанская линия в военно-политических событиях 1801-1835 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Армавир, 2004.
78. *Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX веках. – Москва, 1958.

79. *Стефанов Т.Т.* Михайловский крепостной батальон на Кавказе. 1819–1906. – Батум, 1906.
80. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания Кавказского офицера. – Майкоп, 2010.
81. Утверждение наше в Абхазии/ /КС. Т.ХIII. – Тифлис, 1889.
82. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. – Москва, 1960.
83. *Фадеев А.В.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе/ /Исторический сборник, 4. – Москва–Ленинград, 1935.
84. *Фадеев Р.А.* Кавказская война. – Москва, 2005.
85. *Фредерик Дюбуа де Монперэ.* Путешествие вокруг Кавказа. У черкесов и абхазов, в Колхиде, в Грузии, в Армении и в Крыму / Перевод с французского Н.А.Данкевич-Пущиной. – Сухуми, 1937.
86. *Хафизова М.Г.* Убыхи: ушедшие во имя свободы. – Нальчик, 2010.
87. *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). москва, 2006.
88. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси, 1953.
89. *Щербатов А.П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. III. – С.-Петербург, 1891.
90. *Эвлия Челеби.* Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 3. / Составитель и ответственный редактор А.Д.Желтяков. – Москва, 1983.
91. *Эсадзе С.С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Т. I. – Тифлис, 1907.
92. *Эсадзе С.С.* Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. – Майкоп, 1993.

European Union

COBERM
A Joint EU-UNDP Initiative

*Empowered lives.
Resilient nations.*

Опубликовано при финансовой поддержке COBERM – совместной инициативы Евросоюза (ЕС) и Программы развития ООН (ПРООН). За содержание и терминологию публикации полностью несет ответственность автор и они ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться, как позиция ЕС и ПРООН.

Published with the support of COBERM, a joint initiative of the European Union (EU) and the United Nations Development Programme (UNDP). The content and the terminology of this publication are the sole responsibility of the author and can under no circumstances be regarded as reflecting the position of either the EU or UNDP.